
Елизавета Дворецкая
Перстень альвов
Книга вторая

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

Перстень альвов. Книга 2: Пробуждение валькирии

«Автор»

Дворецкая Е. А.

Перстень альвов. Книга 2: Пробуждение валькирии /
Е. А. Дворецкая — «Автор», — (Корабль во фьорде)

ISBN 978-5-9717-0554-3

Мир и благополучие давно покинули полуостров Квиттинг, разоренный внутренними и внешними войнами. Решившись связать свою судьбу с дочерью одного из местных правителей, Хельги сын Хеймира оказывается втянут в беспощадную войну за власть над этими местами. И недаром о творящихся на Квиттинге чудесах ходят легенды по всей округе – победа здесь зависит не только от владения мечом, но и от помощи могущественных и недобрых духов. Вот только на чью сторону они встанут, решать человеку.

ISBN 978-5-9717-0554-3

© Дворецкая Е. А.
© Автор

Содержание

Краткое изложение предшествующих событий 5
Глава 1 6
Глава 2 40
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Елизавета Дворецкая
Пробуждение валькирии

Краткое изложение предшествующих событий

Без малого тридцать лет войны разорили полуостров Квиттинг. Обезлюдевший, лишенный верховной власти, он разделен на несколько независимых областей, и во главе каждой стоит свой хёвдинг. Хельги, наследник конунга слэттов, побывал на Квиттинге и обручился с Альдоной, дочерью Вигмара Лисицы. Вернувшись домой, Хельги послал своей невесте перстень альвов, который должен был навеки привлечь к нему ее любовь.

Но по пути корабль был перехвачен Бергвидом Черной Шкурой. Бергвид, единственный сын последнего квиттингского конунга Стюрмира, не признан квиттами и ведет жизнь морского разбойника. Получив перстень альвов, Бергвид подарил его своей невесте Эйре, дочери Асольва хёвдинга. Эйра, которая унаследовала колдовские способности своего рода, привлекла на помощь Бергвиду темных альвов, обитателей подгорных глубин. Их поддержка нужна Бергвиду в ожидаемой войне с Вигмаром Лисицей и другими квиттингскими хёвдингами, которые считают его проклятьем Квиттинга и хотят уничтожить.

Исторические и мифологические термины даны в **Пояснительном словаре** в конце книги. Там же **Указатель имен и названий** (персонажи, события и так далее).

Глава 1

В усадьбу Кремнистый Склон продолжали съезжаться люди. Гости волновались: безделье и бесконечные разговоры о будущей добыче разожгли в них жадность, которую они принимали за доблесть. Каждому казалось, что возрождению силы Квиттинга мешают выскочки вроде Вигмара Лисицы, которые не дают законному конунгу объединить племя и успешно бороться с врагами, чтобы вернуть державе былую мощь.

А добыча пришлась бы очень кстати, потому что со съестными припасами становилось все хуже и хуже. Асольву было больше нечего послать на побережье для обмена, гости ворчали, а он мог только развести руками.

– Ты хозяин, ты и корми! – выкрикивал возмущенный Грют Драчун, обиженный еще и тем, что Бергвид конунг не взял его с собой к Великаньей долине. – Что мы сюда приехали – с голоду подыхать?

– Я не звал вас! – в сердцах ответил однажды Асольв.

– Нас звал конунг!

– Ну так у него и спрашивайте еды! А я не Один, у меня нет такого вепря, которого вечером съедают, а утром он опять живой![1]

– Не беспокойся, мы себе еды добудем! – пообещал Грют. – И тебя не спросим!

На другой же день Грют, взяв с собой человек двадцать из Бергвидовой дружины и гостей, уехал из усадьбы. Асольв надеялся, что они отправились на охоту, и всей душой желал им удачи. Но замыслы Грюта были еще шире.

– У этого Лисицы скота, что звезд на небе! – весело говорил он своим спутникам. – У него тролли в пастухах! Да мы не очень-то испугались! Все равно это все будет наше! Сейчас, через месяц – какая разница!

Его толкал на подвиги не только голод: он скучал, сидя без дела, и хотел скорее отличиться, почувствовать свою силу. Грют Драчун пристал к Бергвиду, возле которого имелась возможность разбогатеть, но предпочел бы не оставаться в чужой тени.

В двух днях пути от Кремнистого Склона, на границе владений Асольва и Вигмара, на глаза попалось довольно неплохое стадо: на пологом склоне горы паслись коровы и овцы сразу трех или четырех дворов. Стерегли их, против ожиданий, не тролли, а обыкновенные люди. Без особого труда распугав пастухов, Грют со своими людьми погнали все стадо на юг, смеясь над трусливыми бондами и рабами.

Но оказалось, что присутствие духа этих самых бондов они недооценили. Больше двадцати лет прожив под покровительством Вигмара Лисицы, здешние жители слишком уважали себя, чтобы снести такую обиду. Ближайшими к пограничному ручью четырьмя хуторами заправлял Снёвар бонд по прозвищу Пенёк – невысокий, но крепкий мужчина лет сорока, с широкими залысинами и клочком рыжеватых волос над выпуклым лбом. Услышав о разбое, он быстро собрал соседей и работников и пустился вдогонку. Коровы шли медленно, поэтому догнать грабителей не составляло труда. Уступая в числе, бонды не могли вступить в открытый бой, но из-за стволов и камней нависшего над тропой склона они так метко стреляли из своих луков, что шесть человек из Грютовой дружины были убиты прямо в седлах, еще пятеро отделались ранами, а самого предводителя спасла от верной смерти только знаменитая серебряная гривна, от которой отскочила стрела. Искать в неизвестной местности противника, у которого неизвестно сколько людей, каждый миг ожидая стрелу в горло, – на это не решился даже самоуверенный Грют Драчун. Перебросив через седло по овце, грабители ускакали, а Снёвар Пенёк мог торжествовать победу. Он потерял восемь овец, но взамен ему осталось шесть трупов и

[1] У Одина есть волшебный кабан, которого каждый вечер забивают для пира, а утром он снова возрождается.

шесть лошадей. Первое служило к славе победителей, второе – к обогащению, так что приграничные жители могли считать себя в выигрыше.

В тот же день Снёвар Пенёк отправил сына к хёвдингу на Золотое озеро. Выслушав «сагу о битве за стадо», Вигмар решил, что здесь одно из двух: либо самоуправство кого-то из Бергвидовых людей, либо одобренный им самим «пробный камень» – попытка проверить, настроено ли Железное Кольцо за себя постоять.

– На него это не похоже! – сомневался Эгиль. – Он никогда не пробует лед заранее, он сразу кидается головой вперед!

– Так ведь теперь у него завелся новый советчик! – вставила Хильдвина, с большим удовольствием обсуждавшая дела мужчин. – Этот бешеный фьялль, Ормкель! Наверняка без него не обошлось! Это он придумал и надоумил Бергвида! Странно, что он сам не возглавил набег!

– Так или иначе, теперь Бергвид сам себя отдал в наши руки! – весело восклицал Хлодвиг, которому не терпелось проявить себя в бою. – Теперь, когда бы мы ни выступили, мы будем правы перед богами!

– Неумно лезть в драку сейчас, пока не весь урожай убран! – предостерег хозяйственный Хроар. – Люди заняты на полях, нельзя их отрывать без крайней надобности!

– Но теперь день битвы выбираем мы! И мы будем опозорены, если уж слишком затянем с ответом!

Старый Хальм с неудовольствием покосился на своего слишком самоуверенного молодого родича, но промолчал. Молодым хочется отличиться. А от излишней самоуверенности лечит только опыт.

В тот же день был послан гонец к Вильбранду хёвдингу в Хетберг и к Дагу хёвдингу в Тингваль. Пришло время переходить от слов к делу и собирать войско.

Железное Кольцо деятельно готовилось к скорой войне. Несколько раз устраивали большие охоты, чтобы насолить и насушить оленины и прочей дичи. Рыбные коптильни дымили день и ночь. Остроухие тролли выползали на опушки, взбирались на валуны и сидели, втягивая чуткими ноздрями обрывки вкусного запаха человеческой еды и жмуря глаза от удовольствия. Хальм со своими помощниками целые дни пропадал в кузнице. Все старое оружие окрестных бондов чинилось, ковалось новое.

Дней через десять Дьярв, ездивший в Тингваль, вернулся и привез с собой гостя. Это был Дагвард, младший сын Дага хёвдинга, веселый, разговорчивый двадцатитрехлетний парень, нередко здесь бывавший и всем хорошо знакомый. Сейчас он привез поручения от отца, касавшиеся будущего похода, но по его жизнерадостному виду никто бы не заподозрил, что его беспокоит грозящая Квиттингу внутренняя война.

– Даг сын Хельги, по прозвищу Кремневый, рад подтвердить делом свою дружбу и уважение к тебе, Вигмар сын Хроара, хёвдинг Железного Кольца! – с веселой высокопарностью объявлял Дагвард, нарочно ради этого выйдя к очагу и приняв важный вид. – Сердца наши наполнились негодованием, когда узнали мы о наглом нападении Бергвида по прозвищу Черная Шкура на нашего родича Рагневальда Наковальню, чем всем нам причинена большая обида, а вам еще и большой имущественный ущерб!

– Будь посерьезнее! – шепотом упрекнул его Дьярв. – Дело-то какое!

– Перестань! – Альдона не могла больше сдерживать смех. – Дагвард! В тебе пропадает отличный законоговоритель! Или даже скальд! Почему ты не сочиняешь стихов? Я тебе всегда говорила!

– Терпения не хватает! – смеясь, признался Дагвард. Прямыми чертами лица, прямым носом, бордо устремленным вперед, он являлся ярким представителем рода Птичьих Носов из Тингваля, а нравом пошел в двоюродного дядю, Гельда Подкидыша, любимцем которого был чуть ли не со дня рождения. – Так, попросту, я что хочешь скажу, а в стихах-то каждую строчку целый день будешь подбирать! А мне некогда – у меня так много умных мыслей в голове!

– Так твой отец согласен пойти с нами в поход? – спросил Вигмар.

– Насчет похода вы его не очень порадовали, особенно сейчас, когда добрые бонды собирают урожай и сеют озимые, чтобы доблестным воинам было чем питаться, – перестав дурачиться, почти серьезно ответил Дагвард, но улыбка таилась в уголках его рта и каждый миг была готова опять расцвести. – Но он хочет, чтобы вы сначала попытались помириться. Вы с Бергвидом ведь не ссорились, верно? Это ему с чего-то взбрело в сумасбродную голову, что он должен покорить вашу округу. Может, он уже одумался и будет рад с почетом отступить.

– Он убил Рагневальда.

– Он вам еще не родич. Эту вину можно как-то искупить.

– Странно слышать такие речи от человека из Тингваля! – вставил Хлодвиг. – Ведь Рагневальд – ваш родич! И вы еще хлопочете, чтобы его убийца ушел от наказания! Странные вы люди!

– А ты не забыл, что Бергвид тоже наш родич? – уныло ответил Дагвард. – Нам тут хуже всех: мы родня и той стороне, и другой.[2] Отец берется сам попробовать помирить вас. Иметь дело с Бергвидом – не мед, это мы знаем, но у отца совесть будет неспокойна, если он не попробует вас помирить.

Вигмар с неудовольствием куснул нижнюю губу острым белым зубом. В этом поручении он узнал Дага: тот мог быть тверд как кремень, когда считал себя правым, но превыше всего ценил мир и согласие и ради них готов был многим пожертвовать.

– Ничего не выйдет! – Эгиль сказал вслух то, что его отец подумал. – Не было еще человека, который склонил бы Бергвида к миру.

– Его можно усмирить только силой! – крикнул Хлодвиг. – И это некому сделать, кроме нас!

– И нам это недешево обойдется! – проворчал Хальм.

– У нас все считают, что ничего нет хуже войны между квиттами! – добавил Дагвард. – Нас достаточно потрепали фьялли, и теперь, когда мы оправляемся, новая война все погубит!

– Оправляетесь только вы на своем восточном побережье! – поправил Хроар. – А все остальные земли запустели. Бергвид то сам грабит их, то натравливает на них фьяллей и прочих, кому он «отомстил»! На всех прочих землях люди боятся жить!

– Мы не оправимся, пока Бергвид делает что хочет! – в сердцах ответил Вигмар. – Нам с ним вдвоем давно уже тесно на Квиттинге. Он хочет мстить, а я – собирать новую державу. Меня упрекают, что я недостаточно знатен, – ну, может быть, да! Да, потому что меня больше волнуют мои потомки, чем предки! У Бергвида есть славные предки, он хочет за них мстить! А у меня их нет, зато есть дети и внуки, и я хочу, чтобы они жили хорошо! И мы с ним никогда не помиримся, уж слишком у нас разные цели в жизни!

– И что это за мир, когда из двух соперников останется один! – вздохнула Гьёрдис. – Курганы не враждуют.

– Останется достойнейший! – Хильдвина задорно улыбнулась Вигмару.

– И как же не вовремя Хагир Синеглазый вздумал плавать за моря! – не замечая ее улыбок, Вигмар в досаде крепко стукнул кулаком по подлокотнику сиденья.

– Хагир ведь тоже родич Бергвиду, и кровный, гораздо ближе, чем вы! – поддразнил Хлодвиг Дагварда. – Но уж если бы он был здесь, то свернуть Бергвиду шею – за ним бы дело не стало! Он ему десять лет не может простить какой-то драконий кубок, который Бергвид у него украл, представляешь, прямо из мешка под головой!

– Ворюга он, а не конунг! – поддержал брата Эрнвиг и презрительно хмыкнул.

---

[2] Мать Бергвида, Далла, происходит из рода Лейрингов и приходится двоюродной теткой Борглинде, жене Дага. Сестра Дага, Хельга, была матерью Хельги сына Хеймира. Таким образом, Даг, Хельги и Бергвид в родстве между собой.

Дагвард вздохнул, но упоминание кубка навело его на новую, более приятную мысль.

– Вы лучше посмотрите, что я вам привез! – оживившись, заговорил он чуть погодя, поняв, что о Бергвиде сказать больше нечего. – У меня же для вас куча подарков!

Даг хёвдинг прислал им дорогие ткани, серебряные блюда, бронзовые светильники, кое-что из женских украшений, и это на время смягчило разочарование.

– Женщинам больше повезло – это все для них! – приговаривал Дагвард, раскладывая подарки на столе в гриднице, чтобы все могли ими полюбоваться. – Мужчинам почти ничего нет.

– Им ничего не надо! – отмахивалась Хильдвина. – Мужчин утешает только ратная слава. А мы, бедные женщины, сидим дома, прикованные к прялке и котлам, – надо же и нам иногда повеселиться!

Женщины одобрительно смеялись: Хильдвина лучше всех могла постоять за женщин, хотя сама никогда не прикасалась ни к прялке, ни к котлам. Альдона, Хильдвина, Ингилетта, Бьёргдис, Торхильда, Гьёрдис, Вальтора и все прочие толпились у стола, передавая подарки из рук в руки. Гридница была полна восхищенным ахами и охами. Альдона любовалась серебряным круглым блюдом: по краю вилась тонкая искусная резьба в виде зимнего леса, засыпанного снегом, а блестящее дно блюда казалось замерзшим лесным озером. Ингилетта уже завернулась в лиловое сукно, вдвоем с Гьёрдис обсуждая, какое дивное выйдет платье. Хильдвина восторгалась кубками с позолотой, чернью и самоцветными камнями, прикидывая в уме, не сочтет ли хозяин дома нужным выделить что-нибудь и ей, хотя она не принадлежит к его семье.

Но Вигмар, сколько многозначительных взглядов она ему ни бросала, сейчас думал вовсе не о ней. Он молча вертел в руках маленькую, сплошь покрытую резьбой шкатулку для амулетов, изготовленную из какого-то заморского пахучего дерева. Все это было прекрасно и очень щедро со стороны Дага хёвдинга, но Вигмара возмущала мысль об отсрочке. Войско хотя бы сотен в пять, а лучше в тысячу копий, послужило бы более уместным подарком, чем вся эта дребедень! Даг хёвдинг верен себе, но попытка мириться с Бергвидом – пустая трата времени.

Вальгейру, молча сидевшему в углу, тоже не было дела до подарков. Его поразили слова, мимоходом брошенные Гьёрдис и, кроме него, никем не услышанные: «Курганы не враждуют». Воображение уже рисовало ему волнующие и жуткие картины: равнина, высокие курганы, озаренные серебристо-белесым светом луны… Ровно в полночь курганы раскрываются, из черных провалов выходят мертвые воины и вступают в сражение между собой, продолжая сводить свои прижизненные счеты… жестоко и непримиримо бьются они всю ночь и только утром скрываются каждый в своем кургане, чтобы в следующую ночь полнолуния продолжить бой…

Вальгейр видел все это, как наяву, от восторга и жути перехватывало дыхание, по коже бежали мурашки, горло сжимало, даже слезы просились на глаза – он не видел и не слышал ничего вокруг себя и был счастлив. Страстно хотелось сложить об этом могучую, грозную и величественную песнь, вроде той, что поют о Хродерике Кузнеце, и чтобы каждый, кто ее услышит, тоже, как наяву, увидел эту вересковую равнину и крутобокие курганы, залитые белесым лунным светом, пережил ту же дрожь ужаса и священного восторга… Чтобы у каждого перед глазами встали могучие бойцы, встали так же ясно, как они стояли перед глазами самого Вальгейра. Он видел неистовую схватку под луной, в ушах стоял тяжелый топот мертвых ног и жадный лязг погребенных клинков, вырвавшихся на свободу. И одновременно, как сквозь туман, ему мерещилась прошлая жизнь этих бойцов, полная борьбы такого накала, что она не позволила им примириться даже после смерти…

Но слов не находилось, не было никаких средств передать другим эти видения и чувства. Вальгейр уже знал, что при первой попытке облечь видение в слова оно поблекнет и рассеется. Все могучее станет слабым, величественное – жалким, яркое – тусклым. И он берег свое сокровище про себя, не отчаиваясь. Со временем слова найдутся. Умение придет. Он еще сложит песни, и для каждого, кто их услышит, мир станет еще шире и богаче. А пока Вальгейр

наслаждался будущими песнями в одиночку и сам себе казался целым кладезем еще не родившихся миров.

* * *

Грют Драчун с остатками своей дружины вернулся в Кремнистый Склон на день позже Бергвида. Узнав о его «подвиге» – отсутствие шести человек и раны еще пятерых нельзя было скрыть, – конунг пришел в настоящую ярость.

– Как ты посмел, щенок, ослушаться меня! – орал он Грюту, пристыженному неудачей и утратившему привычную наглость. – Как ты посмел… Я… Ты… – От негодования Бергвид, как всегда, темнел лицом и не находил подходящих слов. – Как ты посмел не дождаться… Я не приказывал тебе начинать войну… Ты опозорил меня! Даже свое дурацкое дело ты не мог сделать как следует! Тебя победили вонючие рабы! Теперь все будут говорить, что моя дружина не может справиться даже с пастухами! Это все равно что предательство!

– Я не предавал тебя! – завопил Грют, знавший, что обвинения в предательстве плохо кончаются. – Я исполнял твой приказ! Ты же говорил, что мы пойдем в поход против Лисицы…

– Мне решать, когда начнется поход! И не тебе, сын тролля, решать за меня!

– Я не виноват! Нам что было, с голоду подыхать! Ты увез все добычу, а нам ничего не оставил…

– Добычи тебе? – яростно перебил Бергвид. – Получай!

С этими словами от выхватил меч и с размаху рубанул Грюта по шее. Удар был так силен, а меч Рагневальда так остер, что голова слетела с плеч и покатилась по земле. Кровь забрызгала всех стоявших вокруг; многоголосый вскрик взлетел к небу. Обезглавленное тело качнулось, подогнулось в коленях и рухнуло на землю. Из перерубленных шейных вен обильно текла кровь. Кровяной поток красной змеей обвился вокруг ног Бергвида.

– Пусть эта кровь… будет моей жертвой тебе, Медный лес… – бормотал Бергвид, тяжело дыша и опираясь острием клинка о землю. – Дух корней и камней… И вам, темные альвы… Народ Подземелья… Это ваше. Я дарю вам эту жертву… Моя первая жертва вам…

Кровь перестала растекаться и стала быстро впитываться в землю. Бергвид поднял голову и огляделся: вокруг него стояли люди, замершие, как свартальвы, застигнутые солнцем. На бледном лице Бергвида виднелись брызги крови, взгляд темных глаз потух, меч в опущенной руке вздрагивал, и он походил на какое-то безжалостное божество, принявшее кровавую человеческую жертву.

Асольву вспомнилось давнее зрелище: святилище Тюрсхейм, в котором он не бывал вот уже двадцать семь лет, молчаливый Волчий камень и тело, распростертое перед ним… Лужа горячей крови, рыжеватый клок волос, колеблемый ветром, окровавленный меч в руках Стюрмира конунга… Тот час, когда отец Бергвида лишил жизни его отца, Фрейвида Огниво. И как ни мелок был нагловатый и неумный Грют Драчун по сравнению с гордым, неуступчивым и решительным хёвдингом Квиттингского Запада, сходство конца их судеб показалось дурным пророчеством. С того убийства начались поражения квиттов. Тем ударом меча Стюрмир конунг расколол надвое свое племя и обрек его на гибель. И вот теперь его единственный сын, собравшийся в поход, сделал такой же первый шаг. И он, уже сознательно, делает то, что отец его совершил только по недальновидности: объявляет соперниками и врагами собственных соплеменников и поднимает оружие против них. Когда две половины целого встают друг против друга – возможна ли вообще победа? Чем ни кончится – это все равно будет поражение.

И еще Асольву вдруг вспомнилась сестра Хёрдис. В бедах, сопровождавших начало войны, обвиняли ее. Здесь она уже ни при чем, а беды все множатся и множатся…

– Никто не смеет… никому не трогать… – пробормотал Бергвид, пытаясь придать властность своему ослабевшему голосу. – Не трогать… Темные альвы возьмут его… Я отдаю им… Не понадобится раба…

Он имел в виду свое намерение принести человеческую жертву в святилище перед началом похода. Но если рабы могли втихомолку радоваться, не опасаясь столь сурового жребия, то воинов неприятно поразило это внезапное жертвоприношение. Те, кто раньше не имел с Бергвидом дела, усомнились в нем; знавшие его испугались за себя. Невозмутим остался только Ормкель.

– Так и надо дураку! – презрительно сказал он и сплюнул на землю неподалеку от трупа.

– Мы выступаем в поход в ближайшие дни! – объявил Бергвид, перейдя со двора, где все это случилось, в гридницу и выпив пива из кубка, который поднесли ему дрожащие руки невесты. – Пока кровь жертвы не остыла, мы должны начать свое дело. Этот придурок не оставил нам выбора. Теперь копье брошено, и не мне звать его назад. Не будем ждать, пока Лисица нападет на нас! Пусть похвалится Одину победой своих рабов над той падалью, когда сядет с ним за стол! Если сумеет умереть достойно! Я приказываю: мы выступаем завтра! Я не оставлю ни одной целой усадьбы между Раудбергой и Золотым озером! Через пять дней я буду сидеть в гриднице Каменного Кабана! Да поможет мне дух корней и камней! Никто не посмеет больше противиться мне! Отныне у Квиттинга не будет других владык и хёвдингов! Я все возьму под свою руку и поведу квиттов к новой славе!

Эйра дрожала, наблюдая все это и не веря своим глазам. Лицо Бергвида с сохнущими брызгами крови на коже казалось ей темным, как у тех свартальвов, диким, как у тролля, нечеловеческим, как у восставшего мертвеца! Ей было тяжело и больно смотреть на него, но она не могла оторвать глаз, как будто скованная злым колдовством. Под ресницами горели слезы ужаса, дыхание сбивалось, сердце колотилось, точно просясь на волю. Бергвид вдруг представился ей какой-то черной пропастью, куда утекает горячая кровь из жил каждого, кто его видит и слышит. Ее душа полнилась ужасом, гневом, недоумением и отвращением ко всему происходящему. Это какое-то чудовище! Оборотень, которым тролли и ведьмы подменили того Бергвида, которого она полюбила. Она полюбила человека, который стал в ее глазах олицетворением мести за прежнее бессилие и разорение, новым Сигурдом, способным объединить квиттов под своей властью и уничтожить всякую вражду. Но перед ней теперь сидел сам воплощенный дух вражды, готовый поить неживое кровью живых, чтобы получить силу для новых убийств.

Он поклялся двергам убить всех мужчин из рода Вигмара! Только дома, согревшись на солнце после холода подгорья и придя в себя, Эйра осознала, какие жуткие обязательства взял на себя Бергвид – и она ему помогла! И вот он выступает в поход, чтобы выполнить обещанное: убить Вигмара, и Бьёрна, и Ульвига, и старого Хальма, который в ее воображении так похож на самого Хродерика Кузнеца… Темные альвы не сумели справиться с Кузнецом и вот теперь пытаются чужими руками избавиться от его потомков и наследников, которые оспаривают власть двергов над недрами Медного леса. И даже Лейкнир… Хоть по крови он и не принадлежит к роду Вигмара, но по духу он стал ему таким же сыном, как Эгиль или Хлодвиг. И именно так, как сына Вигмара и своего смертельного врага, его воспринимает Бергвид. Нет, совсем не того хотел Асольв, когда решился его поддерживать. Совсем другого! Почему же его искреннее желание мира привело только к более жестокой вражде?

Но что теперь делать? В мыслях Эйры все путалось, созревающий в душе перелом грозил обвалом всех чувств и представлений. Но Эйра еще не отдавала себе отчета в происходящем с ней и ощущала только то, что стоит над пропастью.

* * *

На окончательные сборы потребовалось еще какое-то время: как ни жаждал Бергвид конунг скорее ринуться в бой, приходилось ждать, пока вернутся посланные на побережье за съестными припасами. Ульв Дубина и кое-кто за ним, правда, кричали, что еду надо отнять у врага, но Асольв убедил слишком на это не рассчитывать: благодаря выходке Грюта Вигмар Лисица предупрежден, и жители его округи наверняка припрятали скот и прочее. Кроме того, Бергвид медлил в ожидании, пока к нему съедется побольше народу из тех, с кого ему удалось взять клятвы верности. Но вот наконец посланные вернулись с припасами, приготовления закончились. В Кремнистом Склоне собралось почти полтысячи человек, все пространство за стеной усадьбы было изрыто землянками и дымило кострами, так что внутри усадьбы все пропахло дымом, как после пожара. Ближние рощи были снесены на дрова и светились насквозь. Ждать больше люди не хотели. Принеся в святилище Стоячие Камни жертвы Одину и Тюру, войско Бергвида выступило на север.

В последний вечер перед выходом Асгрим Барсук долго терся возле Бергвида, пока наконец не выбрал время поговорить с ним без чужих ушей. Самое низкое происхождение ясно отражалось на простецком лице Асгрима с узким морщинистым лбом, встопорщенными бровями и какой-то мятой рыжеватой бороденкой, однако он был неглуп, храбр и упорен, имел славу хорошего воина. Мудрецом его не считали – а напрасно. Не будучи сведущ в рунах и песнях, понятия не имея об уладских богах, не зная, кто сейчас конунг у раудов или граннов, он между тем обладал одним ценным и редким умением – умел разговаривать с Бергвидом. Его низкое происхождение, его неуклюжесть не задевали самолюбия конунга, и он относился к Асгриму снисходительно, как к преданному дурачку. И так получалось, что он, отвергая советы умных и сведущих людей, принимал их единственно от этого «дурачка».

– Вот ты, конунг, думаешь про одно дело, – начал Асгрим, стоя возле резного подлокотника конунгова сиденья.

Бергвид вопросительно покосился на своего ярла.

– Я тоже про него думаю, – продолжал Асгрим. – Все про того вон парня!

Он кивнул на сидящего напротив Ормкеля. Из осторожности Асгрим не хотел называть фьялля по имени, хотя этот «парень» был не моложе его самого.

– Ты о чем? – сдержанно спросил Бергвид.

– Дело-то такое… Может, он со своими там и поссорился, это Один знает, ему сверху видно. Нам не видно. Ты, конунг, правильно делаешь, что ему не доверяешь. Ты, как Один, всех насквозь видишь.

У Асгрима не было никаких оснований думать, что Бергвид не доверяет Ормкелю, скорее наоборот. Но в этом и заключался его тайный способ давать советы конунгу. О том, чего ему хотелось, он говорил как об уже существующем, притом непременно с похвалой уму и проницательности Бергвида. «Ты правильно ему не доверяешь» означало «ты не должен ему доверять!».

– И что еще ты думаешь? – равнодушно осведомился Бергвид, чуть пристальнее взглянув через гридницу на Ормкеля, будто пытался и впрямь увидеть его насквозь.

Бергвид хранил непроницаемо-равнодушный вид – от матери он унаследовал, кроме прочего, еще и способность при необходимости лицемерить, хотя получалось у него похуже, – но его кольнуло беспокойство. Неужели он проглядел что-то такое, что видно любому простофиле вроде Барсука? А что-то такое должно быть, потому что Асгрим, как Бергвид знал по опыту, открывает рот только тогда, когда ему есть что сказать.

– Кто там победит… Когда мы победим Лисицу, – поправился Асгрим, – нам хорошо будет. Да тем парням, – он опять покосился на Ормкеля, имея в виду племя фьяллей, – будет

худо. Им-то ведь не надо, чтобы ты в полную силу вошел. Им это – что нож острый в бок. Ни ты, ни кто другой. Им-то хорошо, что мы тут деремся. А если кто одолеет и все под себя возьмет – вот тут им-то хоть в землю ложись. Короче, за ним глядеть надо. Ты правильно велел за ним глядеть. Чтоб он вестей никому не давал.

Бергвид кивнул, не отрицая, что приказал наблюдать за Ормкелем, потом добавил:

– Он не сможет. Он здесь один, и до моря далеко.

– А то вдруг сбежит? Ты ведь, верно, хочешь приказать мне за ним поглядеть? Думаешь, уж Барсук-то не проворонит, да, конунг? Я-то с моими ребятами… Так-то прочнее будет. День и ночь будет под присмотром.

Бергвид опять кивнул, давая разрешение. Он не очень верил, что фьялль в одиночку сумеет причинить какой-то вред, но подозрительность он тоже унаследовал от матери и не удивился бы, если бы предателем оказался кто угодно. В том числе и сам Асгрим Барсук.

На другое утро дружина Бергвида ушла из усадьбы. С ней отправился сам Асольв Непризнанный во главе сорока человек, которых смог набрать. В душе он сомневался, что поход ради истребления рода Вигмара Лисицы – правое дело, а также в том, что это дело осуществимое, но отступиться от Бергвида уже было невозможно, и приходилось положиться на судьбу, как он и поступал всю жизнь.

За два дня войско преодолело расстояние до приграничного ручья, где принял свой последний бесславный бой Грют Драчун, и вторглось во владения Вигмара Лисицы. На сей раз на лугу не паслось скотины. Три двора, которые прошла дружина, оказались пусты. Люди, скот и ценная утварь исчезли. Дружина пошла дальше на север, а позади нее поднимались столбы дыма: дома, амбары со снопами нового урожая на шестах, сараи и хлева были преданы огню. Столбы темного дыма бросались в глаза издалека и служили предостережением, оповещая о несчастье раньше, чем успевали доскакать гонцы на самых лучших лошадях. И жители округи, давно уже жившие в ожидании этой беды, мигом укладывали самые ценные и необходимые вещи, запрягали лошадей в волокуши, сажали детей и женщин позади седел и уходили в горы. В пастушеских домиках и лесных полуземлянках можно было переждать опасность.

Оставив там женщин, мужчины отправлялись на север, к своему хёвдингу. И если бы чувством можно было убить, то Бергвид конунг в первый же день свалился бы мертвым с седла, убитый ненавистью пастухов, бондов и рыбаков, смотревших издалека, как огонь пожирает их дома и все плоды многолетних трудов. Старшее поколение, те, кому сравнялось лет сорок – пятьдесят, уже когда-то видели пламя над родными крышами и вот так же, спасая детей и пожитки, в бессилии проклинали племя фьяллей. Здесь, в пустынных лесах Железного Кольца, они нашли себе новый дом. Вигмар Лисица помог им устроиться, дал им железо на плуги, топоры и серпы и силой своего оружия защищал их труд. Он давал им возможность спокойно работать, и они не хотели другого вождя. Теперь пришел тот, кто звал себя законным конунгом квиттов и потому считал себя вправе уничтожать все, что не покоряется ему.

На Золотом озере узнали о его приближении уже на следующий день. Конный гонец не успел бы добраться сюда так быстро, но Вигмар Лисица недаром четыре раза в год поджаривал бычка на лесной полянке и приглашал к богатому угощению всех окрестных троллей.

На рассвете, когда туман плотным одеялом висел на ветках, скотницы открыли ворота, чтобы идти на ближнее пастбище доить, и сразу увидели необычное существо. Маленький, с семилетнего ребенка ростом, тощенький большеголовый человечек сидел на земле совершенно по-собачьи, согнув ноги, а выпрямленными руками упираясь в землю. Длиннющий язык касался плеча, широкие уши с вытянутым и загнутым верхним концом подрагивали. По всем мускулам тролля пробегала дрожь, вытянутая бледная мордочка выглядела сосредоточенной и напуганной. Это был Раск – Проворный, еще один из многочисленных сынков матушки Блосы.

– Молния, где Молния?! – Завидев женщин, тролль тут же вскочил и запрыгал перед ними, не входя, однако, в ворота. От неожиданности скотницы вскрикнули и уронили наземь

деревянные ведра. – Скорее, Молния! Где Хозяин? Идет Черная Шкура! Идет брат Серой Ведьмы! Всадницы Жадного! Дочери Стылого! Он идет сюда и жжет все по дороге! Он еще вчера вышел! Он хочет пожечь все, все! Я слышал!

Позабыв про ведра, женщины побежали в дом и подняли всех. Вигмар, с растрепанными рыжими косами и всклокоченной бородой, в неподпоясанной рубахе бегом выскочил за ворота. Зайти в человеческий дом никто из троллей не мог, и потому последний из подкоряжных жителей, если уж у него появлялось тут дело, удостаивался чести, какой не видал никто из знатных хёвдингов, – Вигмар Лисица сам выходил к нему за ворота.

– Идет Черная Шкура! – пронзительно визжал тролль, при виде Хозяина Молний отскочив на десять шагов и лихорадочно приплясывая на стылой земле. – Он все ближе! Я слышу, как он идет! Много людей – топ-топ, бум-бум!

И тролль подпрыгивал, как будто земля, дрожащая под далекими шагами врага, обжигала ему лапы.

Вигмар ожидал этой вести и не стал тратить время на разговоры. Сыновья и хирдманы тут же были разосланы по всем дворам и усадьбам созывать войско, а женщины принялись собирать поклажу.

– Эх, отец не дожил! – бормотал Оддглим, сын Гуннвальда Надоеды, торопливо и сноровисто седлая коня. – Вот он бы показал этой шкуре… Запрыгал бы, как фьялли прыгали тогда…

Оддглим, как и многие другие, рожденные в округе Железного Кольца, вырос на рассказах о том, как двадцать семь лет назад Вигмар Лисица со своей первой немногочисленной дружиной отражал нападение фьяллей, желавших завладеть золотом квиттингских гор. Двадцать пять лет назад Вигмар, Гейр, Гуннвальд и другие воины старшего поколения бились с фьяллями в Пестрой долине и в Битве Чудовищ на побережье. Теперь пришел час молодых. Гуннвальд Надоеда, носивший и второе прозвище – Каменный Череп, проживший больше семидесяти лет, теперь сражался в небесной дружине Одина. От новых врагов Золотое озеро защищает его сын, у которого нет другой родины. Напрасно Даг хёвдинг задумал их примирить – теперь поздно, а его миролюбие могло дорого обойтись Железному Кольцу. От Вильбранда хёвдинга из Хетберга еще нет вестей – даже если он и идет на помощь, пока Вигмару Лисице приходится встречать врага в одиночку и рассчитывать только на себя. И на своих людей: сыновей, хирдманов, бондов, рудокопов…

Вигмар решил выступать завтра на рассвете. Он на память знал, сколько воинов может выставить каждый двор, и все они заранее получили приказ готовиться к походу, но собрать войско никак нельзя было быстрее чем за сутки.

Альдона, не успевшая даже расчесать волос и в криво заколотом платье, бегала туда-сюда и собирала то рубахи, то полотно для будущих перевязок, то пшено и сушеную рыбу, то целебные травы в мешочках. Все падало у нее из рук: умом она знала, что и как надо сделать, но душой никак не могла примириться, что завтра утром – уже завтра! – в это же время никого из ее близких тут не будет. Бергвид Черная Шкура, давний враг, которого ненавидели, презирали и о котором столько говорили, действительно идет сюда, чтобы сжечь усадьбу Каменный Кабан и разорить берега Золотого озера, как он уже разорил приграничье и сжег дворы Делянку, Кукушкин Холм, Олений Мох, Арнорово Пастбище… Это не слухи, не домыслы, не древние песни о подвигах – это война, это смерть, это вражда и зло, которым необходимо дать отпор!

День пролетел незаметно; тьма упала сверху нежданно, как злая черная птица. Альдона не чуяла под собой ног; столько дел было переделано, волокуши во дворе уложены и увязаны. О сне никто не помышлял; то и дело скрипели ворота, раздавались голоса и топот копыт – появлялись то из Совиного Камня, то из Ступенчатой Горы, то из Бобрового Ручья. Ормульв Точило привел тридцать человек, Фален бонд приехал с двумя сыновьями и одним работником, но все были полны равной готовности не уступить свою живую землю убийце конунгу. Всех при-

езжавших не могла вместить усадьба, гостевые и дружинные покои полны, лошади стояли во дворе и на всей луговине перед воротами; ворота не закрывались, на дворе горел большой костер, и дозорные с факелами непрерывно обходили коней. В ночи раздавались голоса, полные лихорадочного возбуждения, мало кто спал. Все это чем-то напоминало праздник, но этот праздник отдавал горьким привкусом беды.

В усадьбе теснилось множество людей, но Альдона уже видела ее опустевшей, и все нынешнее многолюдство казалось ей призрачным. Все были заняты какими-то хлопотами, все были взбудоражены, хотя и старались по примеру хёвдинга держаться спокойно. Альдона снова и снова пересматривала всю поклажу, которую дружина везла с собой; она не боялась, будто что-то забыли, но не могла сидеть сложа руки. И раньше бывало, что весь дом собирался куда-то ехать, хотя бы в Тингваль или даже в Нагорье к Хагиру Синеглазому, где на ее памяти бывали два раза. Но тогда она ехала со всеми и в радостном воодушевлении ожидала поездки, новых мест и встреч с новыми людьми. Теперь же она оставалась дома, а все ее близкие уходили на «пир волков и воронов». Альдона сознавала, что кого-то из братьев или даже самого отца она видит, быть может, в последний раз. Эта мысль так ее ужасала, что в груди холодело; она не хотела об этом думать, но это была правда.

– А вдруг тебя убьют? Что я буду делать, если тебя убьют? – рыдала Ингилетта, вцепившись в руку Эгиля и в своем беспредельном отчаянии даже не понимая, что это не лучший способ подбодрить мужа перед битвами.

Альдоне очень хотелось попросить ее замолчать, но в душе ее билась та же самая мысль: что я буду делать, если вас убьют?

За хозяина в усадьбе оставался Хроар. Вигмар рассудил, что женатый сын, сам отец двоих детей, будет здесь полезнее, тем более что по своему складу Хроар был скорее хороший хозяин, чем великий воин. И еще оставался Лейкнир: он в любом бою принес бы много пользы, но Вигмар не мог требовать, чтобы он шел воевать против собственного отца.

Хильдвина, возбужденная не меньше прочих, расхаживала по гриднице с пылающими щеками, полная лихорадочного оживления, любопытства и даже зависти.

– Ах, почему я не мужчина! – страдальчески повторяла она. – Как бы я хотела отправиться с вами! Уж я бы ему показала!

Она бросала взгляды на Вигмара, но ему сейчас было не до восхищения ее отвагой. Его взгляд не отрывался от Альдоны. Он сделал уже все мыслимые распоряжения, но за остающихся дома он не мог быть полностью спокоен. Свою дочь он бы с радостью завернул в платок, положил за пазуху и взял с собой для полной уверенности, что за время похода с ней ничего не случится. В этот вечер ему настойчиво вспоминалась Рагна-Гейда. Лихорадочное возбуждение близкой битвы воскресило в нем воспоминания о первой войне и во всей яркости вызвало в нем образ той, что тогда находилась рядом и с которой он был так неразрывно связан даже сейчас, когда она невозвратно ушла от них. Рагна-Гейда виделась ему совсем молодой, ровесницей нынешней Альдоны, и сейчас он замечал гораздо больше сходства между женой и дочерью, чем всегда. Тот же рост, стройный стан, посадка головы… Те же глаза, серые с зелеными искрами, с длинными черными ресницами… И что-то такое общее в выражении лица: умное, нежное, тревожное… Такое лицо он часто видел у Рагны-Гейды в те дни, когда она была не старше своей дочери и когда они с большим-большим трудом закладывали основы нынешнего благополучия и могущества рода. Когда на следующий же день после свадьбы ему пришлось с оружием в руках защищать от фьяллей свой новый дом. Рагна-Гейда умерла, но столько лет спустя дочь ее обшаривает тревожным взглядом лица уходящих, будто хочет поймать и сохранить для себя самое главное в них. Рагна-Гейда глядит ее глазами в лица своих сыновей и пасынков… И с ней ее мать, фру Арнхильда, гордая, сильная и неуступчивая женщина, когда-то посылавшая в бой сыновей, потому что этого требует честь рода… И сама богиня Фригг, сыновья которой снова и снова выходят на битвы с великанами… Что бы ни случилось в будущем, даже и при-

ведись ему жениться снова, никакая молодая жена не заменит ему Рагну-Гейду, с которой они вместе были молодыми. Она умерла, душа очага, умерла, вечно юная богиня его любви, но оставила ему дочь, их главное сокровище, завоеванное в долгой и жестокой борьбе с судьбой. И сейчас Вигмар не связывал с образом дочери никаких честолюбивых притязаний, сейчас ему хотелось одного: чтобы она, живое подобие и продолжение Рагны-Гейды, самое дорогое, что у него есть, дороже земель и сокровищ, была всегда невредима и благополучна. Ради ее будущего рождения, еще не зная и не думая о ней, он бился двадцать семь лет и двадцать пять лет назад, и ради ее счастья он идет биться сейчас.

Альдона часто смотрела на отца, их взгляды встречались и сцеплялись так крепко, что сияющий луч между ними, казалось, можно было увидеть. Вигмар был для Альдоны не просто отцом. Она почитала его как доблестнейшего в мире воина и мудрейшего из правителей. Он, как бог, создал весь тот мир, в котором она жила с рождения: без него берега Золотого озера оставались бы пустыней, тут не стояла бы эта усадьба, по округе не выросли дворы и дворики, не зеленели бы свежими ростками поля, не звенели бы кузнечные молоты, не дымили бы плавильные печи. Вигмар был духом Квиттинга, еще не вернувшего прежней силы, но знающего к тому единственный верный путь – труд, терпение и стойкость.

Альдоне вспоминалось ее детство, когда Вигмар предпочитал ее всем сыновьям, ласкал и баловал как никого другого. Она знала, что он и сейчас любит ее больше всех на свете, и отвечала ему такой же любовью. Именно сейчас она поняла, что спокойствием, достатком и счастьем своей жизни обязана ему всецело. Она могла не задумываться над этим и жить в свое удовольствие, но только потому, что он, как Мировой Ясень, с нерушимой надежностью держал свод неба над ее головой. Он дал ей все: ум, красоту, уверенность в себе, гордость за свой род. И если она могла не шутя мечтать о муже-конунге, то только благодаря ему – отцу, который дал ей богатство и честь, которых сам в ее годы не имел.

И он не может погибнуть! Альдона трепетала при мысли об опасности, навстречу которой он уходит, но в ней жила уверенность, что ему все по плечу. Даже она, дочь, не знает до конца всех его сил. Он, как новый великан, стоит на корнях квиттингских гор, и нет той силы, которая могла бы его одолеть.

Перед тем как идти спать, Вигмар подозвал к себе Лейкнира. Лейкнир подошел, ожидая каких-нибудь еще распоряжений, но Вигмар просто положил руку ему на плечо и пристально посмотрел в лицо. И Лейкнир вдруг понял, о чем думает хёвдинг. И ответил ему прямым и уверенным взглядом. Вигмар Лисица может не просить его позаботиться об Альдоне. Он и сам должен знать: даже если будут рушиться горы, Лейкнир сделает все, чтобы уберечь ее от самого маленького камешка.

– Смотри, – только и сказал ему Вигмар. – Усадьбу я оставляю на Хроара, а ее – на тебя. Если слэтт не вернется… Мало ли что мне выгодно, но свое счастье она выбирает сама. Остальное в твоих руках.

От Вигмара не укрылось, что после обручения Альдоны с Хельги ярлом ее привязанность к Лейкниру не ослабла, а, наоборот, усилилась. Вигмар и сам прекрасно помнил то, о чем Лейкнир как-то в отчаянии напомнил Альдоне: двадцать семь лет назад родичи Рагны-Гейды считали, что Вигмар Лисица для нее недостаточно хорош. Она сама рассудила иначе. И ее дочь имеет то же самое право – самой выбрать отца для своих будущих детей.

– Вернется он или не вернется… – Рослый Лейкнир смотрел на Вигмара сверху, ему это было неудобно, но он хотел сказать всю правду. – С ней ничего не случится, пока я жив.

Вигмар сжал его плечо и отошел. Рагна-Гейда когда-то сказала ему: в женщине заключено будущее, поэтому она всегда лучше знает, чего человек стоит на самом деле.

* * *

Двигаясь навстречу друг другу, две дружины встретились под вечер следующего дня. Еще не стемнело, но было пасмурно: серое небо, затянутое плотными дождевыми облаками, висело низко. Вигмар Лисица ехал во главе своего войска вверх по каменистой тропе, направляясь к перевалу, когда из-за елей на склоне вприпрыжку спустились двое: мужчина с длинной русой бородой и подросток лет пятнадцати. Сын держал в руках лук, а отец – копье, повесив лук за спину. Вигмар узнал Хаука бонда, хозяина Хаукова Двора, по имени которого и долина, где он поселился, называлась Хаукдаленом. Оба тяжело дышали, на лице бонда отражались возбужденное негодование и тревога.

– Хёвдинг! Они здесь! – Еще не добежав, Хаук бонд закричал издалека и взмахом копья показал назад, к перевалу, где уже подавал знаки копьями передовой разъезд. – Я вас увидел со склона… Они идут! Они в нашей долине! Прошли старый Эйков двор! Видишь – дым?

Слабая струйка дыма, поднимавшаяся из-за перевала, уже была видна.

– Подожгли, подожгли! – кричал подросток, смотревший в это время назад.

– Надо думать, это последнее, что им удалось сжечь! – ответил Вигмар. – Где твои люди?

– Во Фродовом доме! – Хаук бонд махнул копьем в сторону ближней горы. – Знаешь, в лесу, где еще жил старый Фрод! Вот там! Мы ушли еще с ночи… Стур Косой прискакал… Там и женщины, и Торфинн с Фастиром… Мы все забрали, и стадо у нас на пастбище…

– Пусть сын зовет всех мужчин с оружием, а ты ищи себе место! – Вигмар кивнул на дружинный строй позади себя. – Стур Косой уже там.

Въехав на перевал, Вигмар сразу увидел врага. Темный неровный поток дружины, составленной из всадников и пеших вперемешку, медленно лился по долине вдоль берега Глимэльва – Слюдяной реки, впадавшей в Золотое озеро. Вигмара догнали передние ряды дружины, позади него затрубил боевой рог.

Завидев нескольких всадников на гребне каменистого откоса и поняв, что это означает, люди Бергвида несколько смешали строй. На дне долины тоже раздался голос рога. Войско приостановилось: лезть на откос, над которым ждут клинки, не хотелось.

Долину Хаукдален в этом месте довольно тесно сжали ближние горы: склон одной горы плавно перетекал в другой, ровного места почти не оставалось и войску было негде развернуться. На крутых склонах кое-где торчали заостренные выступы рыжеватых скал, сверху покрытые только мхом, на более пологих местах зеленел кустарник и мелкие деревца. Место не слишком подходило для битвы, но другого боги не дали.

Вигмар давно не видел Бергвида, но узнал его без труда: тот ехал впереди, под стягом с изображением Тюровой руки. Его блестящий шлем с золочеными накладками и плащ из черной бычьей шкуры на плечах сразу бросались в глаза.

Бергвид тоже его заметил.

– Это ты, Вигмар Лисица? – закричал он, приблизившись к откосу настолько, чтобы его можно было услышать. – Вылез из своей норы? У тебя еще есть время признать мою власть! Если ты дашь клятву покоряться мне и платить дань, то я не трону твой дом и тебя!

– Железное Кольцо никому не платит дани и не будет платить! – крикнул в ответ Вигмар. – Ты ничего для нас не сделал, и мы ничем тебе не обязаны!

Двадцать пять лет назад он уже произносил примерно эти слова, обращаясь к Торбранду, конунгу фьяллей. Мог ли он предположить, что спустя годы он скажет то же самое квитту, зовущему себя конунгом квиттов? Тем самым конунгом, которого так не хватает раздираемому многолетней и многоликой войной полуострову? Но времена изменились: теперь именно этот человек, наследник конунгов и прямой потомок, как это ни дико, Хродерика Кузнеца, лишал

Квиттинг возможности собраться с силами, стремился выпить кровь из того небольшого островка мира и благополучия, который Вигмар Лисица создал трудом почти всей своей жизни.

– Как ты смеешь не признавать законного конунга квиттов? – с гневом крикнул Бергвид. – Власть над всем Квиттингом принадлежит мне одному! Меня провозгласил конунгом тинг войска еще десять лет назад!

– Никто из моей округи и вообще из Медного леса не был на том тинге! Все твои права на границах Медного леса кончаются! И если кто-то, – Вигмар быстрым взглядом кольнул Асольва, в шлеме и кольчуге сидевшего на коне, – предпочитает по своей воле навязать себе на шею власть разбойника, то они скоро пожалеют об этом! Я предложу тебе другое: если ты немедленно повернешь войско назад и поклянешься возместить моей округе все убытки, я позволю вам уйти живыми!

– Ты еще смеешь мне грозить! Ты, предатель!

– Выбирай слова и оглянись на себя! – в твердом и спокойном голосе Вигмара впервые зазвучал грозный гнев. – Мой род невысок, но на нем нет пятен рабства!

– В этом виноваты слэтты! Я отомщу им! Те самые слэтты, с которыми ты задумал породниться! Слэтты – враги мне, а значит, всему Квиттингу! Ты предал Квиттинг, и я накажу тебя за это!

– Не надо воображать себя Квиттингом, Бергвид сын Стюрмира! Квиттинг переживет тебя и меня! Твой отец тоже решал один за всех, и ты знаешь, чем это кончилось!

– Не смей говорить о моем отце! Твой отец был недостоин ему коня подать!

– Зато сам я не скитаюсь из дома в дом, как бродяга, не расточаю чужое добро, не умея приобрести своего, не заполняю воздух трескучими словами, не колдую и не ворожу, как старая баба! Ты – проклятье Квиттинга, ты заставляешь племя проливать кровь, вместо того чтобы дать ему хлеб! Ты служишь мертвым и только мешаешь жить живым! Ты худший враг квиттам, чем даже фьялли! Твое место в Хель! И люди Железного Кольца скорее погибнут все до единого, чем покорятся тебе!

– Нечего откладывать!

Во время этой беседы Асольв Непризнанный тревожно озирался и переглядывался с Асгримом Барсуком: место битвы было очень невыгодным для Бергвида. При хорошем напоре Вигмар мог сбросить его с дружиной в реку. А что он человек напористый, никто не сомневался.

Люди Вигмара уже готовились к битве: всадники сходили с коней, привязывали их к деревьям поодаль, вынимали копья из петель у седла, натягивали тетивы на луки, вешали на запястье меч, чтобы взять в руку секиру. Те, у кого имелись кольчуги или стегачи, облачались в доспехи и надевали шлемы.

В войске Бергвида тоже шли приготовления. Сам конунг положил руку на грудь и окинул взглядом окрестные горы.

– Где ты, дочь Свальнира! – негромко позвал он, и его низкий голос, казалось, шел особой тайной тропой среди камней и деревьев. – Где ты, Всадница Жадного! Ты слышишь меня? Ты готова помочь мне?

За пазухой у него лежала маленькая, путаная, прочная сеть, сплетенная из длинных женских волос цвета сухой еловой хвои, – подарок Дагейды, вместе с которым она передала Бергвиду часть своей силы. Пока он держал сеть при себе, «боевые оковы» на каждого врага сплетались сами собой. Бергвид привык знать, что его сила превосходит силу любого врага, но сейчас чувствовал неприятную неуверенность. Вигмару Лисице помогает Грюла, пятнадцатихвостая лисица-страшилище из рода огненных великанов, дочь самого Сурта, будущего губителя мира. Грюла не раз спасала Вигмара, когда, казалось бы, спасения ему быть не могло. Бергвид помнил о ней, и его пробирала дрожь при мысли, что в любой миг из-под земли под самыми ногами может полыхнуть жгучее багровое пламя.

На одном из ближних склонов мелькнуло что-то живое. Бергвид узнал свою покровительницу, и на душе у него полегчало. Маленькая, хрупкая женская фигурка, одетая в косматую волчью накидку, взобралась на большой валун, и копна густых, растрепанных тускло-рыжих волос придавала ей сходство с ожившим можжевеловым кустом, покрытым сухой хвоей. Отряхнув ладошки, ведьма встала на валуне во весь рост и жадно глянула в долину. Ее желтые, как болотная вода, глаза пронзительно блестели, по мелким чертам маленького бледного личика пробегала лихорадочная дрожь. Дух Медного леса трепетал от жадности в ожидании близкой поживы. В ожидании горячей человеческой крови, самого сладкого питья для тех, чья кровь холодна!

– Отец, посмотри! – Эгиль тоже заметил ведьму и тронул Вигмара за плечо.

Вигмар глянул на склон и кивнул. Его зоркий глаз быстро нашел ведьму, почти незаметную среди кустов, валунов и пестрой россыпи замшелых камней. Он знал, что в битвах с Бергвидом рыжая ведьма тоже будет его противником. Приняв из рук Ульвига стальной шлем с золотыми чеканными накладками, Вигмар встал над откосом, поднял перед собой огромный красный щит, как будто закрывая им всю дружину, и запел заклинание:

Щит мой ковали
молоты молний,
кровь великанов
крепила края!
Щит мой – губитель
секирам и копьям,
стрелы он ловит
и тупит мечи!

При первых же звуках заклинания Дагейда вздрогнула, как от удара, ее личико исказилось: призываемые силы молний и грома били ее невидимыми бичами. Скеорчившись, она закрыла голову руками, но не ушла с валуна: она тоже собралась в битву и готова была терпеть.

Щит мой окован
силою грома,
голосом Тора,
блеском Биврёста,
Одина оком,
отвагою Фрейра,
Локи проворством
и стойкостью Бальдра!
Рогом Хеймдалля,
черепом Имира
я заклинаю
войско от ран!
Будут герои
ничем не вредимы,
волею Одина
щит мой мне дан!

– Вперед! – Допев заклинание, Вигмар надел щит на руку, вскинул свое копье, сверкающее золотом наконечника и резьбой древка, и бегом бросился вниз по склону.

Войско с дружным криком устремилось следом. Казалось, грохочущая каменная лавина, способная смести все на своем пути, неудержимо катится по склону вниз. Движение войска было настолько стремительным и плотным, что передние ряды Бергвида поначалу дрогнули, выставили перед собой стену разноцветных щитов и торчащих копий, чтобы встретить эту волну на месте, но Бергвид крикнул что-то неразборчивое и кинулся вперед. Волей-неволей дружина побежала за ним: в бою удача только рядом с конунгом.

Дагейда стремительно вскинула руки вперед и закричала, словно хотела своим пронзительным голосом перерезать строки Вигмарова заклинания:

Корни и камни
сплетали оковы,
ветер и ветви
петли плели;
вихревой сетью
опутаны руки,
связаны ноги
корнем горы!

Против Поющего Жала, знаменитого Вигмарова копья, способного обращать нечисть в камень, сети за пазухой у Бергвида было недостаточно. Чары Дагейды упали невидимой сетью, и движение Вигмаровой дружины замедлилось: каждый, не исключая и его самого, ощутил внезапную тяжесть в руках и ногах. А Дагейда прыгала на валуне и кричала, стремясь сковать врага как можно плотнее:

Градом разящим
падают чары,
льдом Йотунхейма
схвачена кровь!
Кости и жилы
немощь объяла,
силы лишится
враг мой навек!

Приблизившись на длину броска, Вигмар метнул копье, метя в самого Бергвида; Дагейда вскинула руки, и золотой наконечник дрогнул. Остановить его было так же невозможно, как поймать руками молнию: всех сил ведьмы хватило только на то, чтобы немного отклонить Поющее Жало. Но оно никогда не остается без жертвы: позолоченная сталь наконечника пронзила Стейнрада Жеребенка, стоявшего совсем рядом с Бергвидом. Даже не вскрикнув, он рухнул под ноги конунгу, а Поющее Жало в тот же миг оказалось опять в руках хозяина. Это было еще одно его драгоценное свойство, роднившее его с молотом самого Тора.

Две дружины сшиблись у самого подножия горы: раздался треск щитов, лязг железа, первые крики боли вплелись в яростные боевые кличи. Узкая долина не давала биться более широким строем, люди Вигмара и Бергвида постепенно перемешивались, прорубаясь глубже и глубже во вражеское войско, и кипящая, блестящая клинками полоса битвы ширилась. Задние ряды напирали, издавая боевые кличи, издалека осыпали противника стрелами и копьями. Крайним рядам в поисках простора пришлось карабкаться на склон, более пологий в этом месте, и вскоре между мелкими елочками уже мелькали, как тени, бьющиеся фигуры и холодно блестели клинки.

В первые мгновения войску Вигмара приходилось тяжело под бременем «боевых оков» Дагейды. Но Вигмар, безостановочно действуя Поющим Жалом, нанося удары то наконечником, то концом древка – этим умением он славился еще тридцать лет назад, – рвал невидимые путы, и с каждым ударом копья «боевые оковы» слабели, а у защитников Железного Кольца прибывало сил.

Дагейда прыгала на камне, но теперь уже не от радости, а от злобной досады; люди Бергвида ничего не замечали, но она-то ясно видела, как серый туман ее заклинания над войском Вигмара бледнеет и тает. Как молния в туче, Поющее Жало горячим блеском небесного огня рвало, жгло и рассеивало туман ее чар. Вспышки живой молнии болезненно потрясали все существо Дагейды. Холодная кровь ведьмы из племени каменных великанов не могла вынести жар этого огня. Род ее боится солнечного света, и только кровь матери-человека позволяла Дагейде оставаться в живых, а не развеяться горстью пепла по мху и хвое.

Войско Железного Кольца – люди Вигмара сразу узнавали друг друга по большим, начищенным железным кольцам, плоско нашитым на щиты, на шлемы, на грудь и на спину кожаного доспеха – начало теснить противника. Спускаясь со склона горы, они напирали мощным строем, заставляя Бергвидовых людей отступать. Пятясь в тесноте, люди конунга давили друг друга, их ряды все больше смешивались. Тьодольв сын Вальгаута со своей мощной и хорошо обученной дружиной теснил правое крыло Бергвида: оно и так располагалось в опасной близости к обрыву Глимэльва, и под мощным напором люди один за другим стали срываться в неглубокую, но сильно бурлящую в каменистом ложе реку.

Вигмар стремился добраться до Бергвида – если бы удалось убить вожака, то войско Раудберги непременно побежало бы. Но найти Бергвида оказалось нелегко. Вигмар ясно видел его золоченый шлем, видел черные волосы и бледное лицо, искаженное дикой яростью, видел меч, которым Бергвид работал без остановки, как берсерк. Меч из булатной стали, изделие его, Вигмара, собственной кузницы, один из тех, что Хельги ярл увез в подарок своей родне! Собственные достижения Вигмара обратились против него, и за это он ненавидел Бергвида не меньше, чем за все остальное. Но стоило Вигмару направиться к нему, золотым наконечником Поющего Жала расчищая путь через вражеский строй, как фигура Бергвида исчезала и его золоченый шлем сверкал совсем в другом месте. Однажды Вигмар увидел одновременно двух Бергвидов в разных сторонах – и оба работали булатными мечами, убивая защитников Железного Кольца. Вигмар злился, повторял заклинания, прогоняющие морок, но поделать ничего не мог. Дагейда все силы сосредоточила на том, чтобы Бергвид остался невредим. Он был орудием ее собственной мести, и она стремилась уберечь его любой ценой.

Дагейда вытащила из-за пазухи, из-под косматой волчьей накидки, нечто вроде клочка сизого тумана. Клок тумана колебался, дрожал, рвался улететь, но не мог подняться из маленьких, цепких ручек ведьмы. Это была прядь волос ее родича, древнего великана по имени Токкен из рода туманов. Держа сизое облачко в руках, Дагейда запела новое заклинание, словно вливая его в туман:

Волосы ветра,
пряди тумана
очи туманят,
слух твой глушат!
Память отбита
рунами мрака,
смято уменье
в слабых руках!

Она подбросила прядь волос туманного великана и подняла руки ладонями вперед, словно толкая ее. Прядь тумана медленно поплыла к полю битвы и повисла над Бергвидом. Дагейда подпрыгивала на камне и дула вслед наговоренной пряди; полоса тумана все ширилась, простираясь над Бергвидом, и вскоре скрыла его от глаз противника. Теперь никто его не видел, даже Вигмар.

Больше ничего Дагейда сделать не могла. Она шипела от ярости и подпрыгивала, стремясь дать выход кипевшей в ее холодной крови злобе; она не сталкивалась раньше с Вигмаром Лисицей и не знала, как силен он стал в плетении и отражении чар. Если бы она это знала, она не допустила бы Бергвида до схватки с ним. По крайней мере, не сейчас.

– Все она! Она! – яростно шипела Дагейда, не смея назвать по имени Грюлу, чтобы ненароком не призвать ее на помощь врагу. – Она, огненное отродье!

А стальные мечи Хродерика, которыми в войске Железного Кольца были вооружены очень многие, между тем делали свое дело. Гибкие, как змеи, прочные, как лоб великана Хюмира, острые, как взгляд Хеймдалля, в сильных и умелых руках они сокрушали щиты, ломали древки копий и клинки вражеских мечей, как сухие травинки. Правый край Бергвидова строя уже весь ссыпался в Глимэльв под ликующие крики Тьодольва, остатки его бежали, увлекая за собой середину общего строя. Смятение увеличивалось.

Ормульв Точило подрубил древко стяга Раудберги, стяг упал. Еще напор – и войско Бергвида побежало. В беспорядке растекаясь в разные стороны, люди срывались в Глимэльв, карабкались вверх по откосам, прятались за кусты, бежали в заросли, отступали назад. Рог Вигмара трубил знак преследования, воины с железными кругами на шлемах стремились вслед за убегающими.

По всем склонам закипела беспорядочная возня. Люди конунга пытались скрыться в зарослях, но кусты обвивались вокруг их тел, ветки хватали за руки, сучья цепляли одежду, корневища выпирали из земли и бросались под ноги. Люди спотыкались, падали, силились встать, в беспорядке метались туда, сюда, но деревья толкали их стволами, выпихивали из чащи назад на склон, прямо на клинки Вигмаровой дружины. То и дело между стволов мелькали жуткие, перекошенные, издевающиеся морды троллей с растянутыми до ушей ртами – и люди Бергвида в ужасе кидались назад, забыв о вражеских клинках и готовые на все, только бы уйти от этой жути. Первобытный страх гнал их прочь от лесного племени, а тролли, визгливо хохоча, скалили острые зубы, тянули тонкие, многопалые, когтистые лапы.

– Лови, лови, мои детки! – верещал нечеловеческий голос откуда-то сверху. – Всех переловим, чтоб ни один не ушел! В мешок их, про запас! Зимой съедим! Съедим! Съедим!

Это походило на душный ночной кошмар, на морок; сумерки, ни тьма и ни свет, делали все ненастоящим, в глазах мелькало и рябило. На самой вершине откоса неподвижно и гордо стоял олень, вскинув голову с золотыми рогами, сияющими, как застывшие молнии. Верхом на олене сидела толстая, распухшая, как мокрая копна, старая троллиха с торчащими из-под головной повязки огромными ушами. Размахивая короткими толстыми ручками, матушка Блоса вопила, воодушевляя своих бесчисленных детей, и в ее широко открытой пасти были видны длинные звериные клыки. Ее резкий и пронзительный голос разносился над всей долиной и отражался от каждого дерева, как будто сотни деревянных и каменных голосов повторяли ее жадный призыв:

– Рвите их! Кусайте их! Грызите их! Острый зуб! Острый коготь! Цепкая лапа! Съедим их! Съедим!

– Дрянь! Мерзость! Прочь отсюда! – Дагейда, потрясая сжатыми кулаками, затопала ножками по камню, и визгливый хохот смолк: всех троллей утянуло в землю.

А Дагейда, торопясь, пока еще хоть кого-то можно спасти для будущих сражений, вскинула над головой руки и закричала диким и охрипшим голосом, грозя вершинам гор:

Горы я сдвину
могучим заклятьем,
дрожи, ужасайся,
Имира кость!
Корни подрыты,
сорваны скалы,
рухнут утесы
на войско врагов!

Маленькая ведьма пустила в ход последнее средство. Отражаясь от склонов и вершин, ее голос окреп и ходил туда-сюда мощными волнами; за вершинами послышалось низкое, угрожающе ворчание. Мигом сообразив, Вигмар дал знак: рог запел отступление, но его поглотил нарастающий грохот камня. Дико заржали и забились привязанные лошади, пытаясь освободиться. По склонам уже запрыгали первые валуны, оторванные заклинанием ведьмы, срывая и волоча за собой более мелкие камни. Осыпи на склонах тронулись и поползли, увлекая за собой людей, и теперь уже два войска забыли вражду – каждый стремился спасти свою жизнь и падал на живот, отбрасывая оружие. Грохот камня поглотил последние человеческие голоса, исступленное конское ржание и звон клинков. А Дагейда кричала:

Вершины и склоны
я заклинаю:
Свальнира силой,
Мёркера тьмою!

Токкена прядями,
зубьями Йорскреда,
Бергскреда градом
Авгрунда зевом;

Льдом Йотунхейма,
пламенем жарким
горы дроблю я —
нет вам спасения![3]

Дух мертвых великанов проснулся и заревел в горных вершинах; ожившие камни лавиной устремились вниз. Грохот обвалов покрыл последние слова ведьмы; люди, кто еще мог держаться на ногах, бежали в разные стороны, вперед и назад, не разбирая дороги, лишь бы уйти от лавины. От дикого грохота камня закладывало уши, тяжелая голова не соображала, в глазах темнело; никто уже не помнил о битве, стремительно ползущие осыпи и скачущие по склону валуны стали общим для всех врагом, которого нельзя победить, от которого можно только бежать, бежать! Каждый думал только о том, куда поставить ногу, чтобы не попасть в ползущую каменную реку; обломками щитов люди закрывали головы и плечи от летящих по воздуху камней. Каменная пыль слепила глаза, и только вырезанная на оружии и щитах руна «альгиз», незаметно подсказывая путь, спасла многих в эти мгновения, когда ни глаз, ни ум не могли бы спасти.

[3] Имена горных великанов, некогда живших родичей Дагейды: Свальнир – стылый, Токкен – туман, Мёркер – мгла, Йорскред – оползень, Бергскред – горный обвал, Авгрунд – пропасть.

А каменный ревущий поток лился со склона и разделял бывших противников непроходимой движущейся стеной. Каменная пыль поднялась к самому небу, достала до серых облаков. Все дно долины стало пропастью, полной оглушительного грохота и тяжелой душной пыли. Все живое, что могло, разбежалось оттуда, а что не сумело, то пожрали каменные челюсти древних великанов.

Уцелевшие защитники Железного Кольца понемногу поднимались назад на перевал. Победу они могли считать за собой, но все были слишком потрясены вмешательством ведьмы и еще не могли радоваться. Дружины давно смешались, все сновали туда-сюда, отыскивая своих.

– Я здесь, Атли из Ступенчатой Горы! – раздавалось в одном месте. – Все мои люди, ко мне!

– Я здесь, Альвин сын Гулльранда! – голосил другой хёльд, размахивая своим стягом. – Люди из Синей Горки, ко мне!

Пока еще трудно было разобраться, сколько народу уцелело. Раненных камнями оказалось не меньше, чем раненных в битве. Их перевязывали, по лесистым склонам пробирались и подходили все новые люди, успевшие спастись от камнепада. Всем хотелось пить, запыленная, измученная толпа теснилась возле узкой тропы, спускавшейся к реке. Орудуя древком копья и покрикивая, племянник Вигмара Орвар сын Гейра пролез вниз и навел порядок: снизу вверх по цепочке стали передавать шлемы, наполненные водой.

По течению плыли, кувыркаясь на каменистых порожках, вывороченные оползнем деревья и кусты, а среди них и кричащие люди. Кто цеплялся за стволы, кто пытался сам бороться с течением, высовывая голову из кипящей белой пены. Свешиваясь с камней у берега, их пытались ловить, протягивая руки и палки.

Грохот в долине постепенно стихал. Кое-кто уже силился разглядеть, что там творится.

– Двор-то мой цел? Цел? Поглядите, кто видит! – призывал Хаук бонд. В битве острие чьей-то копья задело его бровь, к счастью, вскользь, и глаз уцелел, но был залит кровью, а другой жмурился от боли. Но боязнь за свой дом одолевала даже боль, и Хаук, моргая, все просил: – Поглядите кто-нибудь, двор-то мой не засыпало?

– Вроде крышу вижу! – утешал его сосед, Стур Косой, вглядываясь в медленно оседающую пыль. – Вроде стоит! Ты хорошо дом поставил – далеко от перевала, до него не достало. Все тут осталось, только вот луговину засыпало. Как ты только до дому проберешься, я теперь и не знаю!

– Всем пересчитать своих людей и мне сказать! – кричал где-то Вигмар Лисица. – Сейчас идем назад в Вересковый Холм, там ночуем, отдыхаем, а завтра на рассвете идем дальше. Поворачивай! Атли, возьми людей, кто цел, и поищите раненых внизу, кого придавило! Эгиль! Подбери человек десять пока, оставь в дозоре тут, потом пришлем замену! Эльгард, бери десяток с топорами, рубите жерди! Считай, сколько раненых не может идти, вяжите носилки! Если надо, возьмешь еще людей!

Понемногу, без строя, войско потянулось назад, к последней пройденной усадебке, где можно было устроить под крышей хотя бы тяжелораненых. Несколько десятков человек осталось возле перевала. Эгиль, оставленный старшим первой дозорной смены, вглядывался в оседающую пыль. Он уже успел окунуть голову в Глимэльв, по лицу его текла вода, он стряхивал ее ладонью, но только размазывал грязь. Позади обвала уже обозначилась тонкой призрачной чертой вершина дальней пологой горы. Ничего живого не было видно, ни одного человека, не считая Атли, который с крепким, свежевырубленным дубовым шестом в руках уже начал спускаться вниз.

Хотелось думать, что все остатки войска Бергвида погребены здесь, с ним самим во главе. Так погиб его отец Стюрмир конунг, на которого сбросила каменную лавину Хёрдис Колдунья, мать этой самой Дагейды… Эгиль видел Дагейду, исступленно прыгающую на валуне, и сейчас еще содрогался. При воспоминании об этой маленькой, серо-рыжей, подвижной и нечеловече-

ской фигурке пробирала дрожь, словно мохнатая гусеница ползет по спине, по самому хребту, и колет тонкими холодными ножками… Противно! Нет, Дагейда так просто не сдается. В ней воплощен сам дух Медного леса, а у Медного леса много сил в запасе. Очень плохо, что она на стороне Бергвида.

Эгиль вспоминал всю длинную, богатую событиями сагу о Квиттингской войне, которая была на два года старше его самого, и не мог понять: почему же сейчас дух Медного леса, всегда вставший против врагов Квиттинга, оказался врагом Вигмара Лисицы? Почему? Этот каменный обвал казался расщелиной, разорвавшей не только долину, но и весь полуостров. Земля подрагивала под ногами, словно грозила развалиться на части и обломками низвергнуться в Хель. Внутренние силы Медного леса встали друг против друга, а это гораздо страшнее, чем просто битва двух вождей.

* * *

В усадьбу Кремнистый Склон Бергвид конунг вернулся едва с половиной того войска, которое с ним уходило. Много было перебито булатными клинками Железного Кольца, немало осталось под камнями лавины. Многие разбежались по лесам, спасаясь от того и другого, и теперь с трудом находили дорогу к людям. Иным лишь через несколько дней удалось выйти из лесу в совсем незнакомых местах, и теперь они мечтали только о том, чтобы поскорее добраться до дому. Жажда ратной славы была утолена надолго. Слухи ходили один другого страшнее: рассказывали, что войско Вигмара насчитывало тысячу человек и тысячу троллей, что златорогие олени носились табуном и топтали всех, что Грюла выскочила из разверзшейся земли и спалила всю конунгову дружину. Участники битвы с трудом могли отличить правду от того, что им померещилось со страху. Почти никто не знал, кто послужил виновником камнепада: обвиняли троллей, заклинания Вигмара Лисицы, Грюлу. Многие уверяли, что видели лисицу-страшилище своими глазами, и даже описывали ее пятнадцать огненных хвостов.

Население округи, услышав о разгроме, переполошилось: то, что вчера казалось доблестью, разом обернулось безрассудством. Выдумали тоже – тягаться с Вигмаром Лисицей! Да у него все тролли на службе! И мечи Хродерика! И Грюла! Да нужно иметь вдесятеро больше войска, чтобы против него выходить! Конунг! Вигмар Лисица здесь конунг, и все боги за него! Видно же! Вот теперь увидите – теперь и мы будем ему дань платить! Дождетесь! А кто не захочет, у того Грюла спалит дом в один миг – с людьми и скотиной!

В Кремнистом Склоне Бергвид конунг застал еще с два десятка человек, которые подъехали туда по уговору с ним, но не успели к отходу дружины – и теперь втихомолку этому радовались. Люди ожидали худшего: зная настойчивость и самолюбие Вигмара, все были убеждены, что он не удовольствуется изгнанием врагов из своей округи и в ближайшее время появится здесь. Уннхильд приказала челяди собирать пожитки, готовясь к бегству из усадьбы. Фру Эйвильда не знала, что думать и что делать, и только вздыхала и плакала, целыми днями сидя возле лежанки мужа. Асольв, раненный в плечо, считал это заслуженным наказанием за свою глупость. Он-то ведь знал, чего стоит его северный сосед!

К Бергвиду конунгу боялись подступиться и не смели сказать ему хоть слово. Бледный от ярости, он ни с кем не разговаривал, а только хриплым голосом сквозь зубы бранил Вигмара и Грюлу.

– Мечи Хродерика! Проклятые мечи! – бормотал он. – Никто еще не мог… никто не мог устоять против меня! Проклятые тролли… Поющее Жало! Копье мертвеца! Только оно могли разрушить мои чары… «боевые оковы»… только они не дали мне победить…

Но проклинать судьбу ему пришлось недолго. На другое утро возле самых ворот усадьбы обнаружился небольшой мешок из плотной темной кожи. На плотно завязанных ремнях виднелась бронзовая бирка с отлитой руной «эйва». Вид у мешка был какой-то странный – пастух,

первым его увидевший, отшатнулся и невольно вскрикнул, точно наткнулся на человеческую голову. Побежали за хозяевами, и до прихода Бергвида никто и не думал прикоснутся к мешку.

Увидев находку, Бергвид переменился в лице. Присев, он попытался было развязать узел, но плотные ремни не поддавались неловким от волнения рукам. Быстро потеряв терпение, Бергвид выхватил нож и ударил мешок в бок, словно живого врага. Темная кожа лопнула, и на прибитую мелкую траву через разрез просыпалось несколько тусклых желтоватых камешков, имевших самые причудливые, неровные очертания – примерно так застывает расплавленный воск, вылитый в холодную воду. Бергвид с лихорадочным волнением собрал их в ладонь и поднес к глазам.

Вслед за этим он выпрямился, поднял голову и окинул изумленных, трепещущих зрителей горящим торжествующим взглядом.

– Золото! – крикнул он среди тишины. – Это золото! Темные альвы исполнили обещание! Теперь я… Я… мне подвластно все! И земля, и подземелье Медного леса теперь в моей власти! – Бергвид сжал самородки в кулаке и тряхнул им с видом гордого могущества, словно теперь его кулак стал втрое тяжелее. Его лицо лихорадочно оживилось, брови дергались, глаза блестели – перемена после недавнего мрачного уныния была разительная и в чем-то пугающая. – С этим золотом я найму такую дружину, что все тролли Золотого озера… У Вигмара не хватит… Никто больше не посмеет противиться мне!

Мешок был полон золотом: россыпью мелких самородков вперемешку с золотым песком. Попадались и кусочки плавленного металла – остатки неудачных или испорченных изделий. Непривычная, чуждая красота их удивительно тонких и искусно выполненных узоров пугала и подавляла – на них словно отпечатался дух иного, нечеловеческого народа. И золота неизвестные дарители не пожалели: его хватало, чтобы нанять, вооружить и прокормить большое войско во время длительного похода.

В тот же день Бергвид приказал дружине собираться. Он решил ехать на юг, где мог собрать новое войско. С золотом темных альвов он будет желанным гостем у своих родичей на озере Фрейра, которые прежде совсем ему не радовались. Он требовал, чтобы Асольв со всей семьей ехал с ним, но Асольв не мог подняться с лежанки из-за своей раны и слабости, а женщины не хотели его покинуть. Даже Эйра не соглашалась последовать за женихом, не мыслила, как оторвется от усадьбы, от священной горы Раудберги. Бергвид злился, кричал, обвинял семью будущей родни в предательстве.

– Вы только и ждете, когда сюда придет Вигмар Лисица! Вы скоро его дождетесь! И вы предадите вашего конунга, вы будете лизать ему башмаки и умолять, чтобы он вас простил! Вы будете платить ему дань! Рабы! Трусы! Он возьмет вас в рабство и заставит пасти свиней! Подходящее для вас дело!

– Нам некуда ехать, конунг! – отвечал ему Асольв. – У нас нет другого дома. Ты – другое дело… А нам нет отсюда дороги. Если нам суждено погибнуть, то мы погибнем здесь.

Из-за предстоящей разлуки Эйра испытывала тайное облегчение, хотя и не хотела даже самой себе в этом признаться. Трудный поход к границам Свартальвхейма не сблизил их, как она надеялась, а еще больше отдалил от нее Бергвида. Теперь он стал посматривать на нее с тайной неприязнью, хотя, казалось бы, она имела право на его благодарность. Напрасно она надеялась, что доблестный жених будет относиться к ней с большей добротой и доверием, когда увидит, как она преданна ему и как много пользы может ему принести. Но откуда эта тайная злость? Бергвид старался держаться спокойнее, но стал молчаливее, да и вообще Эйру было трудно обмануть. Безо всяких слов она ощущала, что их отчуждение растет. И даже сейчас, когда ее переговоры с темными альвами принесли плоды в виде этого золота, у оживившегося и загоревшегося новой жаждой деятельности Бергвида не нашлось для невесты ни одного доброго слова.

Она не понимала, что своей помощью только испортила все: теперь Бергвид знал, что его новой подругой стала сильная женщина, и это ему совсем не понравилось. Лучше бы она была той дурочкой, за которую он сначала ее принял! Он не доверял сильным людям, видя в их силе угрозу себе, своему влиянию и своей славе. Внутренняя память о рабстве, сознание своей ущербности исподтишка грызла его душу, исподволь внушала убеждение, что люди будут уважать его только тогда, когда рядом не найдется никого лучше. Не слишком доверяя себе, он боялся иметь поблизости людей, способных подчинить его своему влиянию, и всячески их избегал. И Эйра, оказавшаяся одной из этих опасных созданий, теперь казалась ему обманщицей.

Забрав остатки дружины, всего неполных две сотни человек, Бергвид уехал на юг. Проводив его, Эйра еще долго стояла в воротах. Сердце ее надрывалось, но горевала она не о разлуке с самим Бергвидом. С ней простились ее надежды, ее счастливые ожидания, ее вера в любовь, которая поднимет ее над землей и унесет в вечность. Розовые горы в небесах растаяли; навсегда уходил тот человек, которого она любила, и этого человека ей больше не увидеть, даже если Бергвид сын Стюрмира вернется. Он оказался не тем, за кого она его принимала, и образ возлюбленного героя, который она силой своего воображения надела на Бергвида, как чужое платье, окончательно растаял и пропал. Глазам ее открылось унылое «то, что есть на самом деле», и это прозрение было для нее хуже смерти: если бы ей предложили выбор, она охотнее увидела бы Бергвида мертвым и взошла бы на его погребальный костер, чтобы покончить там с собой, как Брюнхильд, чем осталась бы жить, разочаровавшись в нем. Теперь же умирать поздно – прекрасное заблуждение ушло, и она не хотела приносить напрасной жертвы.

Сквозь теплый туман слез она едва могла видеть удаляющийся дружинный строй, и на сердце у нее становилось все тяжелее. Она больше не могла скрывать от самой себя, что обручение не принесло ей счастья. Почему? Светлая Фрейя, почему? Ведь она любила… ведь она любит его так самозабвенно, так горячо и щедро! Какое упоение, какое ликование она находила в своей любви! Куда же все это ушло? Куда пропала ее радость? Она не умножилась от разделения, как это должно быть, а исчезла, развеялась ветром…

Она перебирала воспоминания, пыталась найти в словах Бергвида, в его обращении с ней хоть искру любви, которая помогла бы ей оправдать его. «Любовь – это готовность отдать все и терпеть самую черную неблагодарность…» – вспомнила она его слова, сказанные в день обручения, вспомнила и свой ответ. Когда-то эти слова вдохновляли ее, звали на подвиг любви, и хотелось даже, чтобы трудностей и препятствий было больше, чтобы она могла показать силу своей любви, преодолевая их. Слова «черная неблагодарность» снова и снова звучали в душе и язвили, как нож. Эйра гнала прочь эту мысль, как нечто постыдное, но та не уходила. Только это она и получила в обмен на свою любовь. Точно так, как он и обещал. Так в чем же его винить?

Медленно бредя обратно в дом, невидящим взглядом обводя старые скамьи, словно выискивая себе место, Эйра все пыталась понять противоречие, которое только сейчас, после пережитой боли, нащупала в своей душе. Бергвид конунг перестал быть новым Сигурдом и превратился в нож, который ранил ее. Но любовь ее не умерла. Ее любовь по-прежнему была живой и горячей, яркой и алой, как камень в перстне. Только теперь она покинула образ Бергвида и свободно разливалась по самому небу, как алая, пламенная, золотая заря. Душа настойчиво искала образ человека, которому эта любовь принадлежит на самом деле. Раньше у него было лицо Бергвида, а теперь Эйра вовсе не видела его лица. Он виделся ей живущим где-то далеко, в небесных чертогах светлых альвов Альвхейма. Или в том мире, где розовые горы… Эта любовь была воздухом, которым она дышала, и никакие беды не могли ее убить.

* * *

После битвы и обвала Вигмар Лисица с войском Железного Кольца поначалу вернулся несколько назад, к двору под названием Вересковый Холм, но настоящее отступление в его замыслы не входило. Войско разместилось в четырех дворах, стоявших поблизости один от другого: раненых устроили в домах, а остальное войско разложило костры под открытым небом между ними. Уже вечером Вигмар, собрав вождей, устроил совет: идти ли дальше немедленно, чтобы добить Бергвида, пока тот не оправился, или сначала дождаться подкрепления из Хетберга. За последнее стояли Ормульв Точило и Гейр Длинный и с ними благоразумные Эгиль и Дьярв.

– На своей земле всякий бьется упорнее! – доказывал Ормульв. – Здесь-то мы одолели, а за Ивовым ручьем будет земля Асольва, и его людишки поднаберутся храбрости, когда за спиной окажутся их собственные дома! Лишние копья нам не помешают!

– А еще надо помнить о Дагейде, этом великаньем отродье! – предостерегал Гейр. – Если мы пойдем теперь к Кремнистому Склону и Раудберге, то там ведь рядом Великанья долина! У себя дома ведьма нам еще не такие чудеса покажет!

– Может быть, после этого разгрома у людей Раудберги прояснится в головах и они поймут, что дружба с Бергвидом их до добра не доведет! – говорил Эгиль. – Может быть, они откажутся быть с ним дальше и он уйдет – так зачем же мы будем убивать своих соседей? Надо дать им возможность одуматься, так для всех будет лучше!

– Еще один Даг Кремневый нашелся! – фыркнул Хлодвиг. – Примиритель!

Все эти доводы были по-своему справедливы, но жажда поскорее разделаться с врагом победила и большинство высказалось за продолжение похода. Решили завтра утром на заре принести жертвы богам и без промедления идти следом за отступающим Бергвидовым войском.

Наутро, пока дружина только поднималась, произошло событие, которое подтвердило правильность вчерашнего решения. К Вигмару прибежал старый знакомый – тролль по имени Спэрра, то есть Пучеглазый. За двадцать семь лет, прошедших со дня их первой встречи, Спэрра ничуть не изменился и по-прежнему напоминал нечто среднее между тощим карликом и серой осинкой, с огромными заостренными сверху ушами.

– Черная Шкура разбогатела! – верещал Спэрра, тараща свои огромные, как пузыри, зоркие глаза. – Я видел! Подкаменные, – так он называл темных альвов, – принесли ему целый мешок золота! – И Спэрра раскинул во всю ширь свои тонкие длинные руки. – Вот такой! С человечью голову! А он говорит: теперь я столько людей найму воевать, сколько в лесу деревьев! Я сам слышал!

– Не врешь? – на всякий случай уточнил Хлодвиг.

– Такое золото! Из-под самой горы! Клянусь Молнией! – И Спэрра благоговейно покосился на копье в руке Вигмара. – Он сам к ним ходил! С ним ходила женщина, та, что всегда ворожит на Рыжей горе! Они вместе вошли в Черные Ворота! Я видел! Я за камушками полз! – Последнее тролль явно считал большим подвигом, что не удивительно, если помнить, какой ужас вызывало в троллях племя великанов и их древняя пещера. – И вышли живые, во я удивился!

– Надо выступать быстрее! – заговорили хирдманы и хёльды.

– Двигаться пора! Нечего ждать, пока Бергвид наймет людей!

– Лучше накрыть его, пока он этого не сделал. Тогда и все его золото будет наше!

– Вот, правильно! Отобрать золото, пока он его не разбросал всяким головорезам! У нас от него столько убытков!

Теперь даже Ормульв Точило не спорил. При мысли о золоте войско заново воодушевилось, погорельцы повеселели, уже видя, как вместо сожженных домов у них стоят новые, еще лучше. Да и опасность нового усиления Бергвида торопила разделаться с ним поскорее.

О самом главном – о союзе Бергвида со свартальвами – почти никто не думал. Но Вигмар при этом известии переменился в лице – он-то сумел его оценить по достоинству – и оставался суров все время, пока приносил жертву у священного камня и готовился к выступлению. Свартальвы! Его давние враги! Однажды, много лет назад, он уже одолел их с помощью Грюлы, завоевал право владеть рудными копями, кузницами, золотоносными ручьями и гранатовыми скалами. Но подземное племя так не любит отдавать людскому роду богатства земли и будет радо вернуть это все назад! И если темные альвы выступят против него в союзе с Дагейдой, то неизвестно, хватит ли сил у Грюлы, чтобы им противостоять. У Вигмара не было привычки отступать и сдаваться заранее, но теперь он знал, что предстоящая борьба потребует от него напряжения всех сил.

Приходилось торопиться: с золотом темных альвов Бергвид не будет задерживаться. Многие волновались, как бы он не ушел. Хлодвиг, поддержанный Тьодольвом с сыновьями, Атли и Эльгардом, предлагал выслать вперед верховой отряд, отобрав всех, у кого есть кони, чтобы задержать Бергвида до подхода войска. Но Вигмар пресек эти замыслы: разделять силы было неумно. Дружина шла вперед со всей возможной скоростью и уже вечером второго дня оказалась за Ивовым ручьем, за двором отважного Снёвара Пенька, где начиналась округа Раудберги.

Еще до наступления темноты Спэрра, шнырявший вокруг, прибежал с вестью, что видел за горой чужих всадников. На вопрос – сколько, тролль протянул вперед обе руки и растопырил пальцы – значит, одиннадцать человек, поскольку на левой руке у Спэрры было шесть пальцев, похожих на тоненькие узловатые веточки.

Десяток хирдманов с Рандом сыном Гейра во главе последовал за Спэррой и вскоре вернулся, приведя с собой передовой разъезд Вильбранда хёвдинга. Сам Вильбранд с дружиной шел на полдня позади. Приближение Вильбранда с трехсотенной дружиной Вигмар посчитал большой удачей, и особенно потому, что узнал об этом заранее.

– Утром возвращайтесь к Вильбранду хёвдингу! – велел он. – И передайте, что идти к Золотому озеру или к Кремнистому Склону ему не нужно. Если Бергвид засел в усадьбе или поблизости, я не дам ему уйти и подожду для битвы Вильбранда. Но если Бергвид попытается отступить на юг, а это скорее всего, то не дать ему уйти должен будет Вильбранд и подождать для битвы меня. Пусть он прямо поворачивает на юго-восток и идет Бергвиду наперерез. Я пошлю с вами тролля, он знает все наперечет кусты и валуны – он вам покажет хорошее место для засады. Иначе догнать потом Бергвида будет трудно, и наше преимущество в числе немногого будет стоить.

Наутро люди Вильбранда уехали обратно на запад, навстречу своему хёвдингу. Про золото свартальвов Вигмар велел пока что им не рассказывать, чтобы не подвергать брата Хильдвины преждевременному соблазну. В проводники им дали Верзилу – довольно смышленого, уживчивого, а главное, благообразного тролля. От людей его отличали только большие, растопыренные и заостренные уши, которые можно прикрыть колпаком, и тогда, если не смотреть ему в глаза, даже непривычные к подкоряжному племени люди могли с ним общаться, не испытывая ужаса и отвращения.

А войско Железного Кольца держалось прежнего направления и двинулось в путь на самом рассвете, несмотря на густой осенний туман. Промозглая сероватая туча вблизи казалась мелким, но очень частым дождем. На расстоянии десяти шагов трудно было рассмотреть что-то, за двадцать шагов человека нельзя было отличить от дерева, а за тридцать взгляд увязал и беспомощно тонул в серой мгле. Но проводники-тролли шустро бежали вперед, и войско, бодрое после ночного отдыха, не сбавляя шага, следовало за ними.

В воздухе светлело, постепенно туман рассеивался. Вот уже выглянуло солнце, последние полосы тумана висели высоко в воздухе, вытянувшись между небом и верхушками деревьев, как белая косматая шкурка. Священная гора Раудберга была уже хорошо видна.

– Скорее, скорее! – Спэрра, вынырнув из-под земли прямо под мордой Вигмарова коня, приплясывал от нетерпения и махал длинными тощими руками. – Черная Шкура ушла недавно! Ее можно догнать! И всех мужчин увела! И золото унесла! Скорее! Я след покажу!

С перевала был ясно виден высоченный, отвесный и почти гладкий обрыв темно-желтой кремневой скалы, а под ним дерновые крыши усадьбы. Но туда Вигмар решил не заходить. Войско вышло на тропу, ведущую на юг. Спэрра резво бежал впереди коня, по-собачьи нюхая и временами ощупывая землю; правда, след от почти двух сотен человек нашли бы и без помощи тролля. Гораздо больше людям сейчас пригодилась бы троллиная резвость. Вигмар то и дело вглядывался вперед, надеясь различить на дальнем склоне черную кучку людей. Его мучило нетерпение и беспокойство, успеет ли Вильбранд хёвдинг перерезать Бергвиду путь. Иначе догонять его придется долго. А Бергвид в случае явной опасности может бросить пеших и уехать с золотом – тогда и ему, Вигмару, придется все-таки собрать отряд из одних всадников и пускаться вдогонку, оставив большую часть войска позади. А если еще вспомнить о Дагейде… Короче, Вигмару очень хотелось снова увидеть Бергвида как можно скорее!

* * *

Нелюбовь Вигмара Лисицы к Бергвиду Черной Шкуре была более чем взаимна, но горячего желания встретиться поскорее Бергвид сейчас вовсе не разделял. Уже следующей ночью, которую его войско провело под открытым небом, даже не разжигая, ради скрытности, огня, он получил известие о том, что с запада приближается неизвестное войско. Дозорный разъезд заметил в долине десятки горящих костров. Выяснить величину войска в темноте не удалось, но обрывки подслушанных разговоров пояснили, что это люди из Хетберга. Бергвид ничуть тому не обрадовался: после разрыва с Хильдвиной от ее брата не приходилось ждать ничего хорошего. Сам этот разрыв Вильбранд из Хетберга использует как предлог напасть на бывшего родича и посчитаться за все старые обиды. И у Бергвида сразу же возникло подозрение, что именно сейчас Вильбранд хёвдинг появился здесь не случайно. Очень похоже, что Вильбранд и Вигмар столковались между собой на погибель законному конунгу. Бледный от злобы, Бергвид, однако же, держал себя в руках. Как ни хотелось ему немедленно ударить на спящее войско предателя Вильбранда, он помнил, как близко Вигмар Лисица, и знал, что одолеть двоих ему сейчас не по силам. Помня, как слабы оказались его «боевые оковы» в долине Хаукдален, Бергвид не стремился к битве, а хотел только одного – уйти на юг. Уйти с золотом свартальвов, а вернуться с хорошим, сильным войском, и тогда уж эти мерзавцы узнают, кто повелитель племени квиттов!

Продвигаясь вперед со всей скоростью, на которую способно пешее войско, Бергвид постоянно рассылал верховые разъезды во все стороны, откуда мог ждать опасности: вперед, назад и на запад. Привыкнув жить в окружении неприятелей, он очень хорошо научился оберегать себя и своих людей. И вести поступали неутешительные: Вигмар настигал его сзади, а Вильбранд двигался в ту же сторону, постепенно, от долины к долине и с горы на гору, приближаясь. К сумеркам Бергвиду предстояло встретиться не с одним, так с другим. Умный Асгрим Барсук намекал: конунг, мол, очень правильно делает, что уклоняется на восток, где можно скрыться в лесах, но на сей раз Бергвид его не слушал и держался прежнего направления. Все его мысли сосредоточились на том, чтобы как можно скорее оказаться в окрестностях озера Фрейра. В тех местах большим влиянием пользовался муж его тетки Гудрун, и Бергвид мог рассчитывать там на поддержку. В усадьбе Донберга Камыша он чаще всего отдыхал, там осе-

дала немалая часть его добычи, и именно там Бергвид чувствовал себя конунгом больше, чем где-либо еще на всем полуострове.

Сумерки еще не наступили, когда передовой разъезд вернулся, мчась во весь опор.

– Там Вильбранд! – кричали всадники. – В той долине – Вильбранд! Стяг Хетберга! Впереди! На том перевале!

– А сзади – стяг Железного Кольца! – загомонила дружина. – Ничем не лучше! Надо идти вперед! Вильбранд не колдун, с ним-то мы уж как-нибудь справимся!

– У него три, а то и пять сотен человек против наших! И они свежие, ни в одной битве не бывали еще!

– Лучше дождаться Лисицы! Лучше повернуть назад, подстеречь его в удобном месте и напасть! Он этого не ждет!

– Нападешь ты! От нас никого не останется! Мы все тут погибнем, и тролли нас сожрут!

– Похоже, удача изменила нашему конунгу!

Бергвид верхом на черном, как уголь, коне вертелся из стороны в сторону, не зная, куда двигаться. Если бы перед ним находился один враг, он мог бы броситься на него со всей яростью своего одержимого сердца, положась на судьбу и удачу. Но врагов оказалось двое, и ему унизительно было думать, что два старинных недруга зажали его, как комара между ладонями, и сейчас прихлопнут.

Далеко позади прозвучал боевой рог, и отголосья эха покатились от одной горы к другой. Передовой разъезд Лисицы поднялся на перевал и увидел внизу в долине Бергвидову дружину. Сейчас они подойдут ближе, поднимутся на последнюю разделяющую противников гору, и тогда звук их рога будет слышен и тем, впереди, где Хетберг с мечами наготове… У Бергвида захватило дух от ярости: ему оставалось только без промедления броситься на любого из двух противников, но даже в случае быстрой победы его потрепанной дружине придется немедленно иметь дело со вторым. Промедление – верная гибель.

– Конунг, решай! – с непривычной требовательностью сказал Асгрим Барсук. Было не время для намеков. – Тот или другой – нечего ждать, пока они соединятся. Если ты уж не хочешь уходить на восток, так давай драться!

– Здесь не море! – мрачно подтвердил Ульв Дубина. – Не уплывешь!

В Хаукдалене он получил камнем в лоб, и теперь его голова была обвязана серой тряпкой, а под обоими глазами набухло по огромному черноватому синяку.

Бергвид не ответил: его взгляд привлекло неясное, мелькающее движение на склоне ближайшей горы. Что-то живое скользило там под ветвями, пробираясь вверх и вперед по склону. Крутой, заваленный огромными валунами, покрытый острыми выступами скалы, кое-где беспорядочно поросший кустами и мелкими соснами склон был непроходим для людей, а всех зверей отсюда распугало приближение нескольких дружин… Сердце дрогнуло, словно его коснулась мягкая прохладная рука – Бергвид угадал приближение той единственной силы, которая сейчас могла ему помочь.

– Ведьма! Ведьма! – закричали поблизости.

Теперь уже все видели ее – маленькая рыжеволосая женщина, сидящая верхом на огромном волке, остановилась на вытянутой площадке под скалистым обрывом. Снизу по очень крутому склону к площадке поднимались невысокие, тонкие сосенки, пушистые зеленые метелки их верхних веток доставали как раз до площадки, и со стороны казалось, что волк ступает лапами прямо по верхушкам сосен, как будто это не мощный, тяжелый зверь, а невесомый дух, морок, наваждение.

Гомон и движение в дружине утихли. Потрясенные люди не сводили глаз с этой пары, с этих двух существ, таких разных, но казавшихся частями одного целого. Волк-великан с седоватой шерстью на широкой груди, с ярко горящими зелеными глазами, и маленькая ведьма у него на спине, ростом с двенадцатилетнюю девочку, но сильная, как гора, внушали трепетный

ужас. Сам дух Медного леса вышел навстречу людям из-под каменных и моховых покровов гор, и появление его казалось знаком скорее гибели, чем спасения.

– Час твоей битвы не пришел, Бергвид сын Стюрмира! – крикнула Дагейда. Ее голос, дикий и резкий, врывался в души холодным ветром; верхушки сосен внизу дрожали, точно деревья хотели куда-то бежать, эта дрожь быстро передавалась земле, а от нее людям. – Час твоей битвы впереди! Не спорь с судьбой! Если хочешь остаться в живых – следуй за мной! Я укажу тебе безопасный путь! Следуй за мной!

Она взмахнула рукой. Жадный широким прыжком перелетел к самому краю каменистой площадки и бросился, казалось, в самую непроходимую гущу острых выступов и путаных зарослей. Рыжие волосы Дагейды бились на ветру, как тусклое пламя.

– Вперед! – хрипло выдохнул Бергвид и взмахнул рукой, посылая своих людей в ту же сторону.

Удача не обманула его и на этот раз: дух Медного леса пришел к нему на помощь. Войско снова двинулось вперед: там, за перевалом, их ждал Вильбранд хёвдинг, но другого пути из этой долины не было. Люди и лошади не пройдут по почти отвесному, густо заросшему склону, где проходит волк, скакун ведьмы. Но теперь их вела Дагейда, и Бергвид ехал впереди, уверенный, что останется невредим.

Пока человеческие ноги одолевали путь к перевалу, Жадный с Дагейдой на спине взобрался на самую вершину горы. Там Дагейда соскочила на землю и проворно взобралась на валун, чтобы быть еще, еще выше! Карабкаясь по камням, она, в своей косматой волчьей накидке, напоминала маленького зверька неизвестной породы, ее бледное личико выражало решимость, большие желтые глаза сверкали упоением и азартом. Она приготовилась к битве, в которой собиралась победить!

Встав на самом верхнем валуне во весь рост, Дагейда огляделась. С голой каменистой вершины открывался широкий вид во все стороны, горы вокруг казались застывшими волнами, покрытыми лохматой зеленой шерстью хвойных деревьев, а копошащиеся далеко внизу люди выглядели горсточками муравьев. Ни Бергвида, ни Вигмара, ни Вильбранда хёвдинга нельзя было из такой дали отличить от последнего тощего пастуха – всякая человеческая доблесть и знатность терялись рядом с простором и мощью Медного леса. Здесь властвовали горы, и с каждой из них Дагейда состояла в кровном родстве. И здесь, в кругу своей исполинской семьи, маленькая ведьма в полной мере ощущала всю свою огромную мощь. Она повелевала этим дремучим и каменным миром, и ветер вершин наполнял радостью ее холодное сердце. Стоя на этой вершине, она словно бы пускала корень, пронзающий насквозь глубины горы, и черпала силы из всех источников, из самих основ Медного леса.

Дочь Свальнира вытащила из-за пазухи клочок туманных волос великана Токкена, из ножен на поясе вынула маленький острый нож, похожий на зуб. Человеческая кровь матери позволяла Дагейде не бояться острого железа, которое приводит в содрогание любую нечисть. Держа в левой руке прядь тумана, правой она осторожно провела по запястью острием ножа, потом бросила нож на землю и ладонью поймала тонкую струйку голубоватой, полупрозрачной крови. Каждая капля крови казалась живой и поблескивала легким перламутровым отсветом.

Когда в ладони набралось достаточно, Дагейда плеснула своей кровью на прядь тумана, и та мгновенно, жадно поглотила ее, не уронив ни капли. Внутри туманного облачка капли ведьминой крови тут же засветились голубовато-сизым светом. Деловито лизнув порез на запястье, который тут же закрылся, Дагейда взяла прядь тумана обеими руками, подняла перед собой и запела:

Пряди тумана
с кровью мешаю,
кровь великанов

с силою мглы!
Морок всесильный
из них я сплетаю:
меркнут все взоры
от чар слепоты!
Дороги и тропы
украдены прядью;
небо закрыто
от взоров с земли!
Тьмой и туманом
окутаны горы,
Мёркер и Токкен
чары сплели!

Дагейда пела, и все бесчисленные корни и камни Медного леса вплетали голоса в ее голос; деревья на склоне раскачивались, валуны под ее ногами дрожали, разбуженные именами древних великанов. Ведьма подула на прядь тумана, та оторвалась от ее ладоней и медленно взмыла в воздух. Дагейда подула еще, и прядь тумана стала быстро расти, увеличиваться частыми толчками, будто какая-то неведомая сила распирала ее изнутри. Туманное облако клубилось, словно внутри него зрел мощный вихрь, что вот-вот вырвется на свободу. В нем мелькали очертания странных, полуразмытых фигур, и сама Дагейда, совсем по-детски приоткрыв рот, восторженно и зачарованно вглядывалась в облако, сотканное ее собственными руками.

Вот уже плотное голубовато-серое облако накрыло вершину горы, скрыло Дагейду и Жадного, лежавшего на земле у ее ног, вот поползло вниз по склонам, скатываясь от вершины к подножию, как лавина, одевая всю огромную гору непрозрачным покрывалом. Было похоже, как будто злобные великаны перевернули сумрачное небо и облака потекли на землю. Спускаясь к подножиям, туманное облако продолжало разрастаться, быстро пожирая пространство, глотая без разбору деревья и валуны, голые скальные выступы и травяные полянки. Капли ведьминой крови, многократно умножившись числом, горели в тумане, как сизые звезды. До сумерек оставалось еще много времени, но над Медным лесом стемнело. Ведьма украла день и смеялась, прыгая на валуне и хлопая в ладоши, как девочка, довольная своей проделкой.

* * *

– Они уже близко! Я их видел! – кричал на скаку Оддглим сын Гуннвальда, со своим десятком ездивший вперед. – Вильбранд совсем близко, за той горой. И Бергвид пошел прямо на него! Постоял, потом пошел!

– Думает, с ним легче справиться! – заговорили вокруг те, кто его услышал. – Мы-то его уже били, а Хетберг еще нет!

– Нагони Вильбранда хёвдинга и скажи ему, что мы здесь! – велел Вигмар Оддглиму. – Пусть стоят и ждут: мы его раздавим!

Войско ускорило шаг: многодневный переход утомил людей, но теперь, когда победа была почти в руках, у всех прибавилось сил. Смущали только сумерки, наступившие неожиданно быстро: всем казалось, что полдень миновал совсем недавно и для преследования врага еще достаточно времени. Но вот уже воздух темнеет, а за низкими серыми облаками не видно неба…

– Не нравится мне это… – бормотал Гейр Длинный.

Вигмар молчал, но ему тоже «это» не нравилось. Для сумерек еще рано, и на простое ненастье было совсем не похоже. Оглядываясь, Вигмар острым ищущим взглядом окидывал

ближайшие горы. Он знал, кого ищет. С горы впереди потянуло тонким холодком, и Вигмар привстал в седле, пытаясь увидеть ее вершину. Это был не простой ветер, это было дыхание великаньей ворожбы, с которой он сталкивался всего несколько дней назад в долине Хаукдален.

Дагейда! Вигмар не видел ее, но не сомневался, что дочь Свальнира где-то рядом.

– Ну и туман! Туман-то! Ты погляди! – раздавались голоса вокруг. – А ведь вечер на носу, не утро! Откуда такая напасть?

Вигмар придержал коня, дружина позади него замедлила шаг. Прямо навстречу войску с горы густыми волнами сползало плотное туманное облако. Вигмар вынул из петли у седла Поющее Жало. Золоченый наконечник копья вспыхнул молнией – копье тоже чуяло поблизости враждебную ворожбу. Вигмар повернул копье острием вперед, и от острия полетели золотые искры. Люди вокруг ахнули: полосы тумана, уже дышавшие в лица людям, лопнули и повисли, как разрезанная ткань, между ними мелькнули прозрачные струйки чистого воздуха.

Но туманное облако было слишком велико, чтобы Поющее Жало могло разорвать его все. Движение дружины замедлилось, потом вовсе остановилось: Вигмар и ближайшие к нему передние ряды стояли на самой вершине перевала, но не видели впереди долины. Перед ними расстилалось сплошное море тумана. Серый, колеблющийся, он казался живым и жадным, ждущим поживы. Он уже съел тропы и горы, и даже Вигмар придерживал коня, не решаясь спускаться в это серое море со смутно мелькающими сизо-голубоватыми, зеленоватыми, перламутровыми звездочками, глазами болотных духов.

– Ох, он уходит, уходит! – Где-то под мордой Вигмарова коня вертелся Спэрра и ныл плаксивым голосом, корча всевозможные нелепые рожи в знак своего огорчения. – Шкура уходит! Сестра Жадного спрятала его! Она украла дорогу! Она всегда крадет дороги! Что хочет, то и делает!

– Ты можешь найти дорогу? – Вигмар наклонился к троллю. – Нюхай! Ты видишь хоть что-нибудь? Там есть что-нибудь на дне? Где Дагейда? Чем нам это грозит?

– Не могу! – заныл Спэрра. – Ничего я не могу! Ноги не идут! Глаза не видят! Уши не слышат! Холодно мне, холодно! Она украла глаз и нюх!

Он сел на землю и принялся неразборчиво скулить, обхватив себя тонкими руками за плечи, будто боялся, как бы и его самого не украли. Вигмар в досаде сплюнул: от тролля сейчас не дождешься проку, потому что к ведьминой ворожбе подкоряжное племя было еще чувствительнее, чем люди.

– Вигмар! Что будем делать? – позвали сзади, и Вигмар едва узнал голос Тьодольва – так исказил его колдовской туман.

– Пойдем вперед! – крикнул он в ответ. – Сам туман неопасен! Дагейда хочет увести от нас Бергвида. Мы догоним его и в тумане! За мной!

Он поднял повыше Поющее Жало и двинулся вниз по склону. На ходу он запел заклинание, произнося слова быстро, цепляя одно за другое и обрывая концы слов, отчего и само заклятье становилось как булатная сталь – сильным и гибким.

Руны я знаю
пламенной мощи,
Одина девы
в поход нас ведут!
«Ур» – руна силы,
«турс» – руна грома,
вражьи оковы
в прах разобьют!
«Хагль» – руна града —

бьет чары ведьмы;
копье властью Тюра
взгляд прояснит.
«Альгиз» верной силой
щитом нас укроет,
к свету из мрака
ведет мощный «ниид»!

Поначалу Вигмар спускался в сплошное серое море, и каждый из идущих за ним не видел ни коня, ни всадника, ни земли у себя под ногами, ни даже товарища, шагавшего рядом. Только острие Поющего Жала в руке Вигмара, поднятое над головой, сверкало сквозь серую пелену тумана, как застывшая молния. Но призываемые руны делали свое дело: в тумане вспыхивали багровые, фиолетовые, красные, черные молнии их внутренних цветов, и серый туман таял. Вскоре уже можно было различить дорогу под ногами, а в стороне склон горы с беспокойно дрожащими соснами. Их беспокоил не ветер, а глубинная дрожь земли, которую люди ощущали тоже. Души наполнял беспричинный ужас, каждый шаг давался с трудом, и под ногами мерещилась пропасть. Сквозь туман высокие старые сосны казались живыми великанами, которые вот-вот тронутся с места и пойдут наперерез, протянут к людям своим исполинские руки-ветви… Лучше бы ничего не видеть! Но Вигмар ехал вперед, и копье в его руке горело, как солнце в тучах, указывая дорогу и поддерживая дух.

* * *

Дагейда стояла на валуне, в самой середине туманного облака, в его сердце и источнике. Где-то вдалеке вспыхивали живым пламенем руны, даже сквозь плотную пелену тумана обжигая ее болью, но Дагейда не сдавалась и заклинала, стараясь восполнить ущерб своей колдовской сети. С усилием преодолевая боль и ужас, она обеими руками делала широкие взмахи снизу вверх, побуждая тем туман расти и расти. Создав завесу, Дагейда направляла ее действие, стремясь ослепить, оглушить, запутать преследователей Бергвида, и выкрикивала свое заклинание:

Смутно и мутно,
слепо, нелепо,
грязно, безглазно
путаешь путь!
В мыслях – нет смысла,
ночью – нет мочи,
разум – без глаза,
ухо – без слуха!
Глухо и плохо
шорохи шепчут,
ложно и сложно,
в шелесте шерсти,
по-мышьи неслышно
правду крадут!

Ведьма пела протяжно, то обрывая себя, то снова подхватывая; голос ее отражался от полос тумана, ходил между слоями, повторял и догонял сам себя, и уже казалось, что много, много голосов поют здесь странным неслаженным хором, диким, разбродным. И каждый из

этих отраженных голосов был нитью, из которой Дагейда сплетала сеть; чувствуя, как все плотнее и плотнее смыкаются вокруг нее петли, она ликовала, смеялась, все пела и пела, и обрывки слов, уже утратившие всякий смысл, парили в облаке, достигая самых его краев, стучались в сознание каждого из слышавших это людей, путали мысли, кружили головы, сбивали, смущали, завораживали…

Туманно, обманно,
мглисто, волнисто,
дрожит, отражает,
в плен оплело!
Слева – нелепо,
справа – неправда,
горы – затворы,
в рощи – нет мощи…

* * *

Бергвид ехал шагом, положась на чутье коня; кто-то держал его коня за хвост и сам, должно быть, служил проводником для бредущих сзади. Вся эта дорога казалась бредом, дружина превратилась в длиннющую вереницу слепых, ведомых слепым вожаком. Они шли в ту сторону, которую указала им Дагейда, и уже должны были миновать перевал, где ждали люди Вильбранда. И перевал, и войско Хетберга находились где-то близко; из тумана долетали обрывки недоумевающих, тревожных голосов, но тут же гасли и терялись, как искры в бездне. Где-то рядом бродили люди, но они не могли видеть Бергвида, а Бергвид не мог видеть их. Туман стоял между ними непроницаемой стеной и безраздельно властвовал над долинами.

– Следуй за мной! – время от времени долетал спереди голос, то густой, то тонкий, искаженный, переломанный, невнятный, и Бергвид скорее угадывал, скорее верил, что это голос Дагейды, чем узнавал его.

Лишь изредка в смутной мгле впереди мелькало какое-то светлое, голубоватое, слегка мерцающее пятно. Оно подпрыгивало и перемещалось скачками, как ведьма, едущая верхом на волке, и Бергвид знал, что она там, впереди, его странная покровительница.

– Следуй за мной! – звал голос тумана, и Бергвид шел за ним.

* * *

Вигмар давно уже оставил седло и шел пешком, ведя за собой коня, а в другой руке держа перед собой Поющее Жало, как факел, освещающий путь. Пряди тумана, как бесконечно длинные седые волосы, вились вдоль острия, пытались его опутать, но падали вниз, разрезанные чудесным лезвием. Тут же их место занимали новые. Постоянно трубил рог, но и звук его путался в тумане и глохнул; Вигмар то и дело окликал идущих позади, и они отвечали ему, но знакомые голоса раздавались то сзади, то в стороне, то спереди. Он сам уже не знал, где он; ногами он не чувствовал уклона горы, как раньше, значит, они уже шли по долине; но ни гор, ни долин не было в этом сизовато-сером, мглистом море, волнуемом ветром ворожбы. Он хотел повторить заклинание, призвать на помощь светлую мощь Одиновых рун, но не мог собраться с мыслями. Взгляд беспомощно блуждал в полупрозрачной густой мгле, мысли рвались, как негодная пряжа.

И каждая частичка тумана пела особым, чуть слышным, диким голоском, от этого пения кружилась голова. Давно уже люди ничего не видели, но теперь даже осознавать себя стало

трудно. Никто не помнил, как они попали сюда и куда идут. Вигмар понимал, как опасно брести вот так вслепую, он хотел остановить войско, переждать на месте, но не мог: пение тумана завораживало и вело, вело вперед, как на веревке. Причудливые, бессмысленные созвучия отражались сами от себя, без конца повторялись, наполняя голову раздражающей зыбью. Хотелось сесть на землю и закрыть голову руками; волны тумана качали, баюкали, казалось, что вот-вот ноги подогнутся и ты упадешь. И тогда все эти плети и петли обовьют тебя и задушат… И только сизые звездочки, как глаза самого колдовства, парили вокруг, впереди, сзади и сверху, мелькали, дрожали, мучили гаснущий взгляд.

А таинственный голос тумана все шептал, все ворожил и томил, он раздавался уже и снаружи, и внутри, и смеялся, и ликовал удаче своего нечистого дела, и его бессмысленный шепот оковывал крепче железных цепей:

Манит – туманит,
мигает – сдвигает,
теряешь, бросаешь,
замучен, закручен,
ищешь, не видишь,
слушаешь – глушит,
потерян – не веришь,
замер – умри…

– Замри… Умри… умри… мри… мри… ри… – шептал голос, уходя все дальше и дальше.

Звук его как будто сам себя стягивал в узелок, и чем крепче он стягивался, тем большая тяжесть наваливалась на людей. Идти еще куда-то было невозможно, не получалось даже двинуться. Голубовато-сизый свет ушел, колдовские звезды погасли. Мир исчез, украденный ведьминой ворожбой, осталась только смутно ощутимая земля под ногами и непроницаемая, огромная, всю вселенную залившая тьма.

Наконечник Поющего Жала упрямо светился чистым золотым светом, но, видимый сам, разогнать тьмы не мог. Утомленные, замороченные люди не откликались, и Вигмар лишь смутно ощущал, что позади и вокруг него находится много живых, но почти потерявших сознание людей. Он сел на землю и положил копье рядом с собой. Оставалось только ждать утра.

* * *

Бергвид едва сидел в седле: невероятная тяжесть давила на плечи, голова клонилась, веки слипались. Спасительная ворожба Дагейды на него самого и его людей действовала точно так же, как и на преследователей. Казалось, он целую вечность едет через море тумана, как по морскому дну, и бесчисленные мелкие капельки, голубовато-сизые болотные огоньки, что парили везде вокруг, сильно увеличивали это сходство. Казалось невероятным, что он еще может здесь дышать, и оттого думалось – он и не дышит, он умер, он едет через подземелье Хель, и вот-вот впереди покажется мост, а на нем безобразная великанша с вопросом: кто ты, каков твой род? Но и на это он не смог бы ответить. Сейчас Бергвид знал о себе только одно: что он невероятно устал.

Конь вдруг остановился. Морда его упиралась в почти отвесный скалистый склон. Бергвид очнулся и, жмурясь, силился рассмотреть хоть что-то. У него было чувство, что он бывал здесь и видел эту скалу, даже не очень давно. Но и великанша с ее мостом не шла из мыслей, и думалось: может быть, это и есть мост в темный Нифльхель?

– Следуй за мной, Бергвид сын Стюрмира! – прозвучал голос Дагейды откуда-то сверху. Он спадал медленно, густыми комками, как снег с горы. – И пусть все, кто хочет спастись, следуют за тобой!

– Где мы? – с усилием разлепив пересохшие губы, хрипло выговорил Бергвид. – Что это?

– Это – мой дом, Пещерная гора. Оставь коня и поднимайся сюда.

– Зачем?

– Молчи! Я укрою тебя от твоих врагов. Спеши, пока морок не рассеян. Они пришли сюда за тобой и ждут тебя у подножия горы. Ты не можешь уйти отсюда иначе как через Пещерную гору. Следуй за мной!

Бергвид оставил коня и стал карабкаться вверх по крутому обрыву. Судя по смутному шороху, скрипу камней и вскрикиваниям, люди лезли за ним, как его неотделимое продолжение. Бергвид был как во сне: он понял, что ведьма хочет увести их в Пещерную гору, и это казалось вполне надежным убежищем, где можно переждать. Враги не посмеют преследовать его в жилище древних великанов… Какие враги его преследуют и почему, он сейчас не помнил.

С бессознательной ловкостью лунатика он благополучно взобрался к зеву пещеры, на ощупь по острым, ненадежным, скользким камням. Люди его, завороженные, лезли следом: кто-то оступался, падал вниз, увлекая в своем падении ползущих сзади, но люди поднимались и снова, с муравьиным упорством, карабкались вверх. Без мысли, без осознания, в каждом жило безотчетное чувство: наверху – спасение.

Бергвид первым добрался до пещеры и ступил на каменный пол, заваленный обломками скал. Мерещилось, что не так давно он уже был здесь и его тоже привела женщина… Другая, но очень похожая на эту…

– Следуй за мной! – Дагейда, теперь одна, без Жадного, оказалась уже здесь и манила его в глубь пещеры.

– Чего ты хочешь? – даже замороченного Бергвида этот призыв ужаснул.

Чернота в глубине пещеры внушала неодолимый ужас. Воспоминания оживали. Чернота… красный огонь факела… две горящие руны на каменном полу…

– В пещеру! – опомнившись, гневно воскликнул он. – Ты хочешь погубить меня, ведьма! Там – Свартальвхейм!

– Иди за мной! – В личике Дагейды мелькнула ярость, желтые глаза сверкнули. – Или проваливай ко всем троллям, я не стану тебя упрашивать! Там – темные альвы, обещавшие тебе дружбу! А внизу – Вигмар Лисица, который свяжет тебя и принесет в Стоячих Камнях в жертву своей проклятой Грюле! И всю твою кровь размажет по ее камню, чтобы она упилась и захмелела в лежку! Ты этого хочешь? Так иди к нему! А нет – следуй за мной!

Она повернулась и побежала в глубину пещеры, ловко перепрыгивая с камня на камень. Бергвид пробирался за ней, за ним тянулась дружина. Тьма сгущалась; остатки света из затянутого туманом зева пещеры растаяли, стало совсем темно. И тогда впереди замерцал багровый свет. Дагейда остановилась.

– Дальше иди сам, – сказала она, обернувшись. – Я не пойду с тобой к ним. Здесь – пути темных альвов.

Не споря, Бергвид пошел вперед. Он видел багровое пламя, горевшее на каменном полу пещеры безо всякого топлива. Это зрелище зачаровало его, лишило способности спорить и сомневаться, потянуло вперед. Подходя ближе, он стал различать поодаль от огня темные невысокие фигуры. Плащи цвета темного камня покрывали плечи, из-под надвинутых капюшонов поблескивали черные глаза и виднелись широкие темные бороды. Свартальвы были наполовину слиты с каменной стеной пещеры и каждый миг могли выйти на простор или исчезнуть в камне.

– Привет тебе, Бергвид сын Стюрмира! – глухо прозвучал голос от стены, и один из двергов шагнул вперед.

– Привет тебе… Летанди, – еле слышно отозвался Бергвид. Вид багрового огня подземелий и этих темных каменных тел оживил его воспоминания о первой встрече с народом подгорий и воскресил в памяти это имя.

– Я – Летанди, – подал голос другой дверг сбоку. – А это – Глитренде из рода Мерцающих. Что ты хочешь от нас?

– Мои враги… – Бергвид сглотнул, с мучительным усилием собирая мысли и нашаривая слова. – Мне нужно уйти на юг…

– Мы проведем тебя! – Свартальв, которого назвали Глитренде, кивнул. У него было широкое лицо, округлая угольно-черная борода и выпученные глаза с густыми черными бровями. – Мы проведем тебя верхним ходом, под горой. Никто из ваших врагов не знает нашего хода.

– Куда он ведет?

– К Хрустальной горе – у вас ее зовут Медвежьей, люди не знают ее истинной силы. Враги потеряют твой след.

– Скоро мы туда придем? – Бергвид не мог сообразить, где находится Медвежья гора и слышал ли он о ней вообще.

– К утру. По земле вы шли бы два дня. Следуй за нами.

Шестеро темных альвов зажгли факелы от своего костра и, выстроившись цепочкой, вошли прямо в стену. Бергвид растерялся, но ему сказали «следуй за нами», и он, гость в этом мире, должен был повиноваться. Он шагнул вслед за двергами и вдруг увидел неширокий проход в скальной стене, которого раньше не замечал. Его никто бы не увидел, если бы дверги не вошли туда с факелами; свет от костра освещал основной проход пещеры, почему-то не проникая в боковой.

На душе у Бергвида полегчало: их ведут не в глубь горы, а вдоль поверхности, этот ход тянется над уровнем земли. Там не будет этого неумолимо каменеющего воздуха, который постепенно наваливается на грудь и душит, как каменный завал.

Почти две сотни человек, выстроившись цепью один за другим, молчаливо и завороженно шли за багровыми факелами в руках шестерых двергов. После похода, изнурительной битвы, борьбы с каменной лавиной, бегства и тревожного ожидания превосходящего по силам врага, после отчаяния между двух огней и замороченного блуждания в колдовском тумане люди Бергвида почти не осознавали себя, не могли понять, что же с ними происходит. Все это было сном, мороком, наваждением. Вполне обычный раздор двух владык крошечных клочков земного мира неприметно перерастал во что-то странное, непростое; сети вражды оплетали уже и горы, и лес, и недра, просачиваясь все глубже, растекаясь все шире по всем бесчисленным слоям горных пород и лесных чащ. В борьбе между собой люди призвали на помощь силы, которыми не умели управлять, и сами попали в плен неведомого им. Даже он, Бергвид сын Стюрмира, прославленный воин и могучий властитель, был слаб и беспомощен на путях ведьмы и темных альвов, был игрушкой, орудием в руках нечеловеческих сил. Бессознательно переставляя ноги, он шел и шел, не сводя глаз с факелов, шел туда, куда позвал его голос, приказавший: «Следуй за мной!»

Глава 2

Утро пришло, как всегда, с густыми покровами белесого тумана – на этот раз вполне обыкновенного, простого и чистого. Вигмар Лисица очнулся от холода – он лежал прямо на земле, прикрытой только зеленым мхом, щека его касалась жесткого, подмерзшего сизого лишайника на сером камне, и острый гранитный выступ упирался прямо в бок. Вчерашнее помнилось с трудом, как будто он напился вдребезги пьян, голова побаливала. Он понятия не имел, как сюда попал, почему он не дома на лежанке. Только внутренним, почти животным чувством Вигмар угадывал, что находится далеко, очень далеко от дома.

Но раньше памяти проснулось чувство близкой опасности. Едва очнувшись, Вигмар поспешно приподнялся и огляделся. Вокруг него так же на земле спали его люди: сыновья, хирдманы из усадьбы, люди Гейра или Атли, бонды из округи – все вперемешку. Кое-кто шевелился, ежился от пронзительного холода раннего осеннего утра.

Вигмар встал на ноги, опираясь для верности на древко Поющего Жала. Мышцы онемели, спина болела, двигаться было тяжело и неловко. Но в голове прояснилось, и он все вспомнил. Они преследовали Бергвида, убегавшего на юг с золотом темных альвов. Ведьма заморочила их, напустила тумана, сбила с пути. Куда она завела их, куда забросила? В туманном облаке они шли долго, очень долго! И все ли целы? Вокруг себя Вигмар видел довольно много людей, но в тумане не мог определить, все ли здесь из тех, кого он вел за собой. А если они разбрелись по лесам и горам? Сколько он будет собирать людей, где искать? И всех ли найдет?

И где они сейчас? Знакомое ли это место, или колдовство забросило их к великанам в зубы? В глубине души шевельнулось паническое опасение, что они не в своем мире, что в тумане они незаметно миновали ворота, которые пропускают только в одну сторону, и теперь вокруг них расстилается пространство, которому даже нет названия.

Вопросов нашлось много, а ответов никаких. Сквозь туман проступали только очертания ближайших скал, на расстояние протянутого копья. Только скалы, только лишайник и мох… И еще маленькая, в неполный человеческий рост, облезлая елочка машет тощими лапами в двух шагах впереди, точно хочет согреться в промозглой сырости… А под ней спит Сколе бонд из Оленьего Мха – свернувшись от холода калачиком, как котенок, борода вся то ли седая, то ли заиндевелая.

Вигмар тревожно толкнул Сколе бонда концом древка – жив ли? Тот пошевелился, охнул сквозь дрему, поднял голову и недоумевающе заморгал, с трудом разлепляя тяжелые веки. Испугавшись вдруг, как бы народ не померз, Вигмар принялся будить спящих. Сначала он несильно толкал каждого древком Поющего Жала, потом вдруг удивился, зачем так делает – не собаки же, люди! – а потом мелькнуло в памяти сказание о Добром Бальдре, который оживляет замерзшую землю прикосновениями своего золотого копья, и стало ясно, что боги не оставили его советами даже сейчас. Сон, остаток ведьминой ворожбы, лучше всего снимет Золотая Молния, как тролли прозвали его копье, потому что в нем заключена очищающая и оживляющая сила небесного огня.

Постепенно люди просыпались, начинали хрипло, отрывисто переговариваться, и в голосах звучало то же тревожное недоумение. Хотелось знать, куда попали, а прежде всего людям хотелось согреться. Но ни хвороста, ни дерева, годного на дрова, вокруг не было – только тощие елки. А отходить в сторону пока опасались, и для обогрева оставалось только приседать, хлопать себя по плечам да бегать взад-вперед, выжидая, пока туман рассеется.

Мало-помалу лучи осеннего солнца прогревали и разводили туман, завеса делалась все тоньше и прозрачнее. Вигмар снова огляделся. Сквозь тающие белесые пряди в полусотне шагов от себя он вдруг различил какую-то темную громаду и невольно вздрогнул от острого

чувства опасности. Словно жуткий зверь ростом с гору, чудовище, сам Фенрир Волк с раскрытой исполинской пастью притаился в тумане возле людей…

Крепче сжав Поющее Жало, Вигмар шагнул вперед, предостерегающе взмахнул рукой, чтобы никто не двигался. И тут же понял, что враг сам не нападет: это был не Фенрир Волк, а просто склон горы, заваленный беспорядочной россыпью валунов. Склон довольно круто уходил вверх, а наверху смутно темнел черный зев пещеры, похожий на стоячую пропасть.

– Пещерная гора! – ахнул Вигмар.

Изумление боролось в нем с ужасом и тревожным, ненадежным облегчением, словно он очнулся на краю пропасти, куда еще вполне может упасть. Теперь он все это узнал – и камни, и тощие елки, и склон горы, под которым уже стоял когда-то с этим же самым копьем в руке. Двадцать пять лет назад…

Колдовское облако завело их в Великанью долину и бросило у подножия Пещерной горы. Ни один человек в здравом уме никогда не выбрал бы для ночлега это место. Под самым обиталищем мертвых великанов, под Черными Воротами Свартальвхейма! Чудо, что ночь прошла благополучно – если это так. Вигмар холодел, и волосы его ощутимо шевелились надо лбом – сейчас, утром, он вполне осознавал, какой опасности они подвергались здесь ночью, бесчувственные и беспомощные… Чудо, что они вообще проснулись. Только свет Поющего Жала, только сила Одиновых рун защитила их от мертвящего дыхания Пещерной горы.

– Пересчитать людей, быстрее! – крикнул он, стараясь не выдать дрожи в голосе. – Все ли здесь?

Люди вокруг толковали о произошедшем на разные лады, в голосах слышалась робость. Пора было решать, что делать дальше.

Вигмар опустил Поющее Жало и постучал острием о ближайший камень. Из-под камня выполз тролль – незнакомый, маленький, ростом с зайца, весь покрытый бурой шерстью, кроме головы, где плотной шапкой рос темно-зеленый мох, точно такой же, как и на земле вокруг.

– Кто здесь есть поблизости? – спросил у него Вигмар. – Из людей и иных?

– Там эта! Там! Того! – бестолково размахивая лапами, тролль показал Вигмару куда-то в сторону от горы и прибавил несколько звуков, не имеющих отношения к человеческой речи. – Там эта! Люди! Много!

Красноречием он не отличался. Бесполезно было спрашивать у тролля, что за люди, и Вигмар, отобрав десяток человек, сам пошел на разведку. Они прошли почти всю долину и вступили на склон, где уже рос густой высокий ельник. Вскоре за ветвями замелькало пламя костра, потянуло дымом. Костер горел прямо на тропе, возле него сидело несколько человек, а из-за деревьев ползли серые струи пахучего дыма от влажной еловой древесины, выдавая присутствие и других костров.

– Не верю, чтобы это был Бергвид, – сказал Оддглим. – Он уже так ушел, что его теперь верхом не догонишь. Это, похоже, из Хетберга. Они ведь тоже где-то здесь должны быть.

В самом деле, это оказались люди Хетберга. При виде человека с золотым копьем в руке, бесшумно выходящего из слоев тумана, они сначала испугались, приняв его за духа, но потом узнали хёвдинга Железного Кольца и очень обрадовались.

– А мы уж думали, что одни остались, всех ведьмы сожрали! – говорили хирдманы. – А Вильбранд хёвдинг вон там!

Вильбранд хёвдинг нашелся у соседнего костра. Он выглядел утомленным, измученным, но держался довольно-таки бодро, только часто моргал тяжелыми покрасневшими веками.

– Наконец-то мы с тобой встретились! – с облегчением говорил он Вигмару. – А то я уж думал, вечно буду блуждать по этим ведьминским местам и живой души не встречу! А Бергвид-то! Из рук ушел! Мы ведь его уже видели – мы ему на дорогу вышли, долину заняли и его с перевала видели – шел прямо на нас, больше ему идти было некуда! Ну, думаю, сейчас я тебя голыми руками возьму! И куда пропал! Все этот туман! Это ведьмы нагнали, да?

По его рассказу выходило то же самое, что случилось с дружиной Железного Кольца. Колдовство Дагейды заморочило обоих преследователей, не дало им увидеть ни Бергвида, ни друг друга. Вильбранд радовался, что все остались целы и даже встретились, хотя и поздновато, и не отказался бы немедленно продолжать преследование.

Вигмар такого воодушевления не испытывал. Бергвид ускользнул из рук, ушел, как морок, уже второй раз подряд избежал верной гибели. Просто так его не взять, теперь это очевидно. Куда он делся хотя бы? Из Великаньей долины нет выхода. Если они шли за ним – то куда он от них ушел? Не по воздуху же улетел?

Туман уже совсем рассеялся и лишь тонкими, невесомыми полосками парил над верхушками деревьев, а над ним сияло чистое голубое небо. Хорошо просматривалась вся Великанья долина, тесно сжатая с боков крутыми склонами и загороженная, как непроходимой стеной, самой Пещерной горой. Зев пещеры был молчалив и мертв. Ни деревьев, ни даже можжевельника. Куда здесь могла деться та сотня с лишним человек, которая оставалась у Бергвида? Не под камни же они ушли!

Вигмар вынул нож, срезал одну из своих тонких рыжих косичек и бросил в огонь.

– Для чего это? – с любопытством спросил Вильбранд. – Это жертва за спасение?

Не отвечая, Вигмар пристально смотрел в огонь, сосредоточившись в немом призыве. Пламя ярко вспыхнуло, от костра повеяло таким жаром, что все, кроме хёвдинга, попятились. Для него этот жар служил знаком близости духа-покровителя, и Вигмар терпел, лишь слегка хмурясь. Многолетнее знакомство с Грюлой сделало его менее других чувствительным к жару огня. Про него рассказывали, что он может спокойно держать на ладони горсть пылающих углей и ходить сквозь пламя, и какая-то часть правды в этом содержалась.

А в огне загорелись глаза. Одни глаза, без человеческого лица и даже без лисьей морды – только глаза, ослепительные, как расплавленное золото, длинные, раскосые, умные, смеющиеся, веселые тем равнодушным весельем, которое бывает только у духов, чуждых всем земным слабостям и тревогам. Люди в ужасе пятились от костра, закрывая лица руками от этого пронзительного палящего взгляда, и хёвдинг остался один на один со своим духом-покровителем.

– Привет тебе, Вигмар сын Хроара! – сказали глаза.

Никто другой не слышал веселого, легкого голоса, но Вигмар не просто слышал его, а глубоко ощущал всем существом. Его покровитель пришел, и человеческий дух трепетал, как былинка на ветру, вблизи от другого духа, многократно более мощного, такого же жгучего и жадного до жертв, как и все древние духи стихий.

– Привет тебе, Грюла дочь Сурта! – ответил Вигмар. – Помоги мне. Мой враг слабее меня, но он уже во второй раз ушел у меня из рук.

– Я видела, как все было! Дагейда увела его! – голос хихикнул, и в пламени появилась лисья морда с высоко поднятыми острыми ушами. Морда смеялась, ее очертания, сотканные из пламени, колебались вместе с огненной стихией, ни мгновения не оставаясь в покое. – Она увела его от тебя в Пещерную гору. Он ушел по пути темных альвов.

– В Пещерную гору? – изумленно повторил Вигмар. – Путями темных альвов? Но это невозможно! Ни один человек не ходил этим путем! Только Хёрдис Колдунья, но она тогда была почти неживой, как камень! Люди не могут там дышать!

– Бергвид не пошел в Свартальвхейм, его провели самым верхним ходом. Он прошел под горами, но над уровнем земли. Это ничем не грозит человеку, там каждый может пройти. Конечно, с согласия хозяев.

– И у него было согласие?

– Конечно. Темные альвы провели его – Летанди из рода Ищущих, Глитренде из рода Мерцающих, Фаргеблинд из рода Слепых-На-Цвета. И еще другие с ними, но их имена ничем тебе не помогут. Темные альвы и Бергвид заключили союз против тебя, ты знаешь об этом?

– Я слышал от троллей.

– Темным альвам не одолеть нас с тобой, они решили взяться за нас вместе с Дагейдой и Бергвидом. Им очень хочется выжить тебя отсюда, закрыть для людей все сокровища гор и добиться, чтобы здесь не приносили жертв *мне*! – Из костра взметнулось несколько языков густого багрового пламени, знаменуя гнев Грюлы, и люди отшатнулись от костра еще дальше.

– Как же мне догнать его? – спросил Вигмар.

– Не ходи в Пещерную гору. На путях темных альвов вас съедят. Иди по земле. У Бергвида один путь – к озеру Фрейра. Не забудь принести жертвы Фрейру, когда выйдешь на озеро. А там – все в твоих руках. Ты ведь знаешь, – лисья морда подмигнула, – я помогаю только тому, кто сам что-то делает.

– Я знаю! – Вигмар кивнул. – Ведь мы с тобой знакомы ровно сорок лет! Конечно, для тебя это не срок, но я-то давно все понял!

– Я знаю! – насмешливо повторила Грюла. – Ты все понимаешь быстро. Потому-то я и выбрала тебя!

Лисья морда исчезла, а из костра вдруг вылетела маленькая огненная бабочка. Уже в воздухе она приняла вид крошечной, размером с ладонь, девочки с красивым, но диким личиком, раскосыми золотыми глазами и снопом бьющегося на ветру пламени вместо волос. Это был еще один облик Грюлы, тоже знакомый Вигмару давным-давно. Столько лет прошло с тех пор, как он впервые увидел эту огненную девочку! Вместо очарованного тринадцатилетнего подростка, мечтающего о силе и славе, вместо двадцатипятилетнего парня, твердо намеренного настоять на своем и добиться исполнения всех своих горячих и честолюбивых желаний, – перед огненным духом стоит зрелый пятидесятидвухлетний мужчина, богатый и могущественный повелитель пространной округи, полноправный соперник конунгов. Волосы его потемнели и утратили прежний яркий рыжий цвет, на лбу появились морщины, а в бороде седина, но шаловливая девочка из рода огненных великанов ничуть не изменилась. Духи живут долго и совсем не меняются.

– Иди к озеру Фрейра! – властно приказала она, и теперь ее видели все. – Иди! Я помогу тебе, когда не поможет больше никто! Я даю силу тому, кто сам что-то делает! Помни об этом! Иди!

Огненная искра взмыла к вершинам и исчезла. Полосы тумана над верхушками деревьев растаяли, над Медным лесом сиял ясный осенний день, и в хрустальных далях видны были горы, похожие на застывшие зеленые волны исполинской высоты.

Свежий прохладный воздух, чуть-чуть замешанный на пьянящем духе первых палых листьев, бодрил и наполнял силой. Вигмар огляделся. Его окружали в основном западные квитты из Хетберга, большинство которых видело хёвдинга впервые, но все они, зачарованные разговором с огненным духом, смотрели на него как на своего вождя.

– Мы идем к озеру Фрейра! – объявил Вигмар. – И да благословят боги наш путь!

* * *

Кюна Хёрдис проснулась рано, когда ночь с неохотой только-только поволокла свои черные крылья с земли обратно в море. Острым, почти звериным чутьем Хёрдис угадывала, что до рассвета еще довольно далеко, но спать она больше не могла. Увиденный сон наполнил ее нетерпеливым возбуждением. Именно этого сна она ждала.

Каждый вечер, ложась спать, бывшая ведьма Медного леса клала под подушку маленький кожаный мешочек. В мешочке хранилась длинная прядь волос, светлых, с несколькими белыми нитями седины. И через моря и земли сон кюны Хёрдис, Хёрдис Колдуньи, связывал ее с тем человеком, с чьей головы были срезаны волосы. Каждую ночь Хёрдис видела во сне то, что с ним произошло за день, – не все, только самое важное. Руна «ансу», начертанная на

ладони, отсеивала всю дневную житейскую шелуху и приносила ей только самое главное. Она видела, как на попутном торговом корабле Ормкель Неспящий Глаз добрался до Квиттинга и там ушел со стоянки корабля с дракой, поскольку бессовестные торговцы-вандры попытались содрать с него больше уговоренной платы, но в итоге получили одни синяки. Видела, как он, с растрепанными и незаплетенными волосами, бродил по усадьбам, расспрашивая, где найти Бергвида конунга, коверкал свой язык, чтобы не все и не сразу распознали в нем фьялля. Как он нашел Бергвида в какой-то прибрежной усадьбе, как предстал перед ним и сразу объявил свое имя, повергнув всю дружину в изумление. Хёрдис слышала его неучтивые, вызывающие речи, которыми вернее всего можно было завоевать доверие недоверчивого Бергвида, сына Даллы. Видела, морщась во сне, как он дрался против четверых возле угла дома, освещенного квиттингской луной, – кое-кому из Бергвидовых людей не понравилось, что фьялль сидит за столом так близко к конунгу…

Но все это было еще не то. Благословенна та ночь, когда Хёрдис увидела во сне гибель Рагневальда Наковальни – даже если бы Ормкель больше ничего не сделал, это нападение на слэттов оправдало бы весь ее замысел. Она смеялась во сне, глядя, как Грют Драчун воровал овец и чем это для него кончилось. Она дрожала, она металась и стонала, глазами Ормкеля видя свою дочь, Дагейду, свое проклятие, верхом на волке скачущую по лесистым склонам, чтобы взять свою долю жертв…

И вот сегодня она увидела то, что ей требовалось. Бергвид Черная Шкура выступил в поход против Вигмара Лисицы. Еще не зная исхода, не зная, чем для них обоих обернется это столкновение, кюна фьяллей знала главное: ее новому племени, которое стало ей истинно родным, пришла пора выступать. Выступать в поход против той земли, в которой она волею судьбы родилась, но в которой ей не нашлось места и которой она хотела править со всем своим легендарным упрямством.

– Конунг, проснись! – Хёрдис прикоснулась к плечу мужа, лежавшего рядом с ней. – Проснись, настал час судьбы!

– Что? – Торбранд конунг сразу открыл глаза и приподнялся. В эти годы ему уже требовалось мало сна, и он спал очень чутко. – Такая торжественная речь в такую рань? Погоди, не говори. Лучше сперва одеться и позвать людей.

– Это все придется сделать! – нетерпеливо подтвердила Хёрдис. – И одеться, и вооружиться, и созвать людей! Всех людей, до кого можно дотянуться ратной стрелой! Пришло время похода!

– Ну, пришло так пришло! – Торбранд конунг откинул одеяло. Он знал, о каком походе идет речь.

В этот день Торбранд конунг говорил с дружиной и уже в полдень сам, как требовал обычай, выковал ратную стрелу. Вся прибрежная полоса земли фьяллей, где жило шесть седьмых ее населения, была оповещена о новом походе заранее, и хёльды со своими дружинами съезжались быстро и дружно. В походы редко отправляются осенью, но зато урожай убран и никто не умрет с голоду, даже если добыча не оправдает ожиданий. А такая опасность весьма велика, когда поход предстоит не куда-нибудь, а на Квиттинг – с этим проклятым полуостровом никогда не знаешь, чем все кончится. Там можно разбогатеть так, что дракон Фафнир сгорит от зависти, а можно оставить там голову. Но кюна сказала, что пора, а за двадцать пять лет фьялли привыкли верить своей повелительнице, хотя и не любили ее.

И войско собиралось: люди съезжались со всей прибрежной полосы, шириной в один, два, иногда три дня пути, съезжались из длинных, узких, скалистых фьордов, от склонов дальних, почти необитаемых гор, где только у подножия овцы щипали чахлую травку, а на вершинах круглый год лежал снег. Съезжались поодиночке бонды, с копьем, охотничьим луком и старым щитом, съезжались хёльды во главе своих родичей и хирдманов, приходили пешком рыбаки и

даже вольноотпущенные рабы, надеясь раздобыть на золотоносном Квиттинге и копье, и щит, и лошадь.

Иные говорят, что из дальних предгорий приехал в это войско даже один из бергбуров, полутроллей-полувеликанов, сильных, угрюмых и уродливых тварей, что живут только в черных скалистых горах глубинного Фьялленланда и чьи черные коровы питаются и жиреют, облизывая голые камни. Говорили, что он ехал по тропе вслед за дружиной какого-то хёльда, сидя на огромном косматом быке с горящими, как угли, злыми глазами и золотым кольцом в носу, а на плече держал копье из цельного ствола дубка, с серым кремневым наконечником… Но что рассказывать, если здесь путаница: вовсе не в этом походе участвовал бергбур по имени Булле-Скроль, а совсем в другом, в походе не этого Торбранда конунга, а совсем другого Торбранда, сына Торварда Рваной Щеки, и об этом рассказывается в совсем другой саге!

За полмесяца войско собралось. На высоком скалистом мысу, висящем над морем, конунг и ярлы принесли жертву богам. Здесь, где смыкались три стихии: земля, ветер и волны – фьялли из века в век призывали богов, кропили жертвенной кровью свое оружие, мачты и весла стоящих внизу кораблей.

– Повелитель Побед, Отец Воинов! – взывал к небесам Торбранд конунг, подняв священный кремневый молот, который был почти так же стар, как горы и море. – Прими наши жертвы и даруй нам победы в битвах! Дай нам сил разбить Бергвида сына Стюрмира, нашего непримиримого врага, и тогда Семь Морей вздохнут свободно! Тор, Гроза Великанов! Молотом Молний защити нас в квиттингских горах, защити нас от чар и оков, от бездн и обвалов, от великанов и троллей, от врага ведомого и неведомого! Локи, Отец Волка, помоги нам добыть то, что нам желанно, – мечи Хродерика, что острее орлиного взгляда и крепче Хюмирова лба! Будьте с нами, о боги Асгарда! И после похода мы снова порадуем вас обильной жертвой!

Войско кричало и с грохотом ударяло мечами по щитам. Кюна Хёрдис, в праздничном наряде, с золотым обручьем по имени Дракон Судьбы на запястье, поднесла конунгу меч, рукоять которого обвивал черный бронзовый дракон. Имя меча было Дракон Битвы. Его кропили жертвенной кровью быка, и красные теплые капли впитывались в темное лезвие, выкованное двергами в подгорных глубинах, не скатываясь на землю.

Пришел час судьбы. Это знал Торбранд конунг, половину своей жизни отдавший этой войне. Он помнил предсказание старой великанши, имени которой не знал: не возвращайся на Квиттинг, и тогда ты проживешь еще столько же, сколько прожил. Предсказание прозвучало двадцать пять лет назад, когда ему было тридцать семь. До срока оставалось еще двенадцать лет. Но Торбранд конунг не боялся нарушить запрет. Ему уже исполнилось шестьдесят два года, он был еще силен и крепок, но хорошо знал, что его настоящая сила доживает последние годы. Лучше погибнуть в битве с новыми великанами и сесть за стол Одина, чем захиреть на перине, с рукоятью меча, вложенной в бессильные руки только ради обычая. Одина не обманешь. Своим единственным глазом он хорошо видит, кто как окончил свой путь по земле.

Торбранд конунг знал, что сегодня, быть может, видит родной Аскефьорд в последний раз. И никогда за всю свою жизнь он, человек здравомыслящий и сдержанный, не любил так пронзительно и трепетно эту неприветливую землю, эти сероватые холодные волны под бурыми скалами, эту узкую полоску зелени на склонах ближних холмов и далекие, на самом краю земли видимые черноватые горы, где на вершинах круглый год лежит нетающий ослепительный снег. Он любил эту землю, от священного ясеня в доме конунгов до последней пастушеской землянки. И ради своей любви он хотел оставить этой земле прекрасную и гордую память о себе.

Кюна Хёрдис тоже знала, что отныне надолго остается одна. Но ее сердце не дрогнуло, в глазах сверкала решимость. Когда наступал час судьбы, она умела прямо смотреть ей в лицо.

Хельги сын Хеймира стоял в раскрытых дверях корабельного сарая и смотрел внутрь. За спиной у него сиял яркий свет ясного осеннего дня, а впереди, в полумраке, виднелись

очертания большого корабля. Тускло поблескивала посеребренная голова ворона на переднем штевне; корабль стоял на катках, наклонясь на левый борт, ворон выглядел беспомощно и жалко и, казалось, жаловался на судьбу. Ни мачты, ни весел…

Это был «Серебряный ворон» Рагневальда Наковальни, которого Хельги знал «в лицо» не хуже, чем самого мужа тетки Альвборг. Тот самый «Серебряный ворон», что не так уж давно ушел из Эльвенэса, нагруженный подарками, провожаемый самыми лучшими пожеланиями, и приветственные крики ликующей толпы вместе с ветром лились в его цветной парус.

– Нашел, – сказал Хельги, не оборачиваясь.

В это слово он вложил гораздо больше, чем обычно вмещают пять идущих подряд звуков человеческой речи. В них уместились два месяца ожидания: сначала умиротворенного, гордого сознанием преодоленных трудностей, потом нетерпеливого и беспокойного. Альвборг и ее дочь Сванхильд посмеивались над Хельги, напоминали, что Альмар конунг ждал свою невесту два года, но Хельги лишь слегка улыбался в ответ из чистой вежливости. Да и Хеймир конунг выражал надежду, что уж их-то, конунгов Эльвенэса, родичи невесты не заставят ждать так долго! На дорогу туда и обратно, даже если у берегов Квиттинга плохая погода, нужно около месяца. Конечно, какое-то время Рагневальд должен будет погостить у Вигмара Лисицы. Но едва ли он станет засиживаться в гостях, зная, что его и невесту Хельги ярла с нетерпением ждут в Эльвенэсе.

В начале «рыбного» месяца Хельги ярл сам спустил корабль на воду. Он больше не мог ждать. После встречи с духом кюны Хельги он изменился: ему больше не хотелось сидеть на кургане и смотреть в небеса. Он больше не хотел и не мог жить так, как жил раньше, ему хотелось перемен. Словно чья-то рука отвалила камень и дала выход подземному ключу: в душе Хельги забила жажда любви – той любви, которую обещала ему мать, вручая перстень альвов, той, что озарит его жизнь ровным и ясным светом. Хельги часто вспоминал о перстне, и у него было чувство, что тот вовсе не увезен за моря, что огненно-алый, живой и теплый камень теперь бьется в его груди вместо сердца. Это и была любовь: неделимая и соединяющая двоих воедино, сколько бы земель и морей ни пролегло между ними. Ему виделись рыжие волосы Альдоны, ее серые глаза с зелеными искрами, ее улыбка, ее белые руки с тонкими пальцами, и всю ее фигуру в его воображении окутывало светлое мягкое сияние. В этом сиянии она становилась не женщиной, а богиней, девой из рода светлых альвов. В этом тоже волшебное свойство перстня из Альвхейма: в глазах любви все земное становится неземным… Хельги совсем теперь не думал о торговых выгодах, которые обещал его брак слэттам и о которых родичи так много говорили; он ждал только Альдону, как будто с ее приездом на землю Эльвенэса спустится сам Альвхейм во всем своем радужном блеске. И останется с ним навсегда…

Жизнь, которая раньше, до встречи с Альдоной, вполне его устраивала, теперь стала казаться невыносимой, каждый день ожидания томил и мучил. Рагневальд ярл задерживается – может быть, ему нужна какая-то помощь. Может быть, она нужна самому Вигмару Лисице. Или его дочь нездорова. И еще тысяча всяких «или». Одно было ясно: он должен поехать за своей невестой сам. Ему нельзя, как Хельги сыну Хьёрварда, бесконечно сидеть на кургане и ждать, пока прекрасная возлюбленная сама спустится к нему с небес.

– Если бы Альмар конунг взялся за дело сам, а не поручал его другим людям, может быть, ему и не пришлось бы ждать два года! – говорил он Альвборг и Сванхильд, собираясь в дорогу.

На этот раз с ним шло целых шесть кораблей и полтысячи человек дружины. Осенние полевые работы кончались, люди освобождались от забот, да и припасов теперь было можно набрать гораздо больше. Хёльды и простые бонды с охотой съезжались к наследнику своего конунга, который собирается в заморский поход за невестой. С ним снова отправился муж Сванхильд Рингольд Поплавок на своем «Кольценосном змее», Гейтир Коршун, который уже в честь собственного прозвища велел для штевня корабля вырезать голову коршуна, Аудольв Медвежонок на «Железном вороне», Фроар Левша, младший брат кюны Асты. Его

корабль тоже назывался «Ворон», и для отличия от Аудольвова корабля его называли «Молодой ворон». Последним присоединился Скельвир Медвежий Дух, знатный и опытный в походах человек, весьма уважаемый Хеймиром конунгом. Он был знаменит тем, что однажды, когда племя бьярров отказалось платить слэттам дань, тогда еще молодой Скельвир ярл надел на себя медвежью шкуру и явился бьяррам под видом Метсе-Исэнте, Лесного Хозяина, духа в образе медведя, которому здесь поклонялись. Рыча и завывая, медведь-дух повелел не противиться чужакам. Об этом очень много рассказывали, а прозвище Медвежий Дух закрепилось за Скельвиром из усадьбы Вересковые Поля вместе со славой человека, не отступающего ни перед какими трудностями. Корабль его назывался, естественно, «Медведь» и нес на штевне грозно оскаленную медвежью голову. Словом, для поездки за невестой собралась самая лучшая дружина, которую только можно было придумать.

Когда шесть кораблей шли по устью реки Видэльв к морю, сразу становилось ясно, что это свадебный поход – у всех кораблей были новые, яркие цветные паруса, крашенные в разные цвета весла, цветные щиты на бортах, бронзовые узорные флюгера на мачтах. Перед отплытием в святилище Фрейра принесли жертвы, прося у Ньёрда попутного ветра. Но если бы попутный ветер можно было создать из человеческого чувства, то стремление Хельги ярла в поход могло бы наполнить паруса всех шести кораблей и нести их, как на крыльях.

Переплыв Островной пролив, Хельги снова побывал у кюны Ульврун. Она подтвердила, что Рагневальд Наковальня проезжал мимо, но о дальнейшей его судьбе ничего не знала. Здесь тоже убрали урожай, поэтому кюна находилась в более веселом настроении и пообещала устроить пир на три дня в честь Хельги ярла и его невесты, когда он поплывет с ней обратно.

За Островным проливом Хельги ночевал в усадьбе Белый Зуб, у своего двоюродного брата Халькеля, старшего сына Дага Кремневого. Окрестности усадьбы до сих пор назывались Сигурделанд – Земля Сигурда – в честь их предыдущего владельца, Сигурда Всезнайки, деда Дага. Халькель получил имя в честь своего деда по матери, но вырос более благоразумным и удачливым, чем легендарной памяти Халькель Бычий Глаз. Лицом двадцатитрехлетний Халькель очень походил на мать – был таким же круглолицым, румяным, кареглазым, но уравновешенный нрав и стремление к справедливости он унаследовал от отца. Благодаря этим качествам он, несмотря на молодость, уже завоевал уважение округи, которая в свое время так почитала его прадеда Сигурда, что после его смерти воздвигла в честь покойного харсира особый жертвенник на Холме Асов.

От Халькеля Хельги впервые услышал кое-какие тревожные новости. Еще пока гостям готовили еду, Халькель усадил брата рядом с собой и серьезно посмотрел на него.

– Мне не очень-то приятно встречать тебя с дурными вестями, но, как видно, судьба, – сказал он. – Или ты уже знаешь о Рагневальде?

Хельги переменился в лице, кто-то из его ярлов, сидевших поблизости, издал восклицание, и Халькель понял, что от обязанности злого вестника ему не уйти.

– Толком я сам мало что знаю, – продолжил он. – Ты понимаешь, я живу слишком далеко от… ну, от тех мест, где это случилось. Мне ведь здесь до Островного пролива, до кюны Ульврун и Инги-Ульвины, гораздо ближе, чем до Поля Тинга и отца. Что у раудов поделывается, я и то лучше знаю. Короче, ко мне приезжали от отца. Я знаю только то, что мне рассказали.

– Мы будем тебе так признательны, родич, если ты побыстрее изложишь, что же тебе все-таки известно! – поторопил нетерпеливый Фроар Левша.

– Говорят, он встретил в море Бергвида Черную Шкуру. – Халькель быстро удовлетворил его любопытство.

Фроар охнул, Скельвир хёвдинг присвистнул. Все поняли, что это означает. Хельги промолчал, но лицо его посуровело. Поставив кубок на скамью, где сидел, он наклонился вперед, опираясь локтями о колени. Задержка Рагневальда и отсутствие вестей несколько подготовили Хельги к неприятностям, но имя непримиримого врага прозвучало, как удар грома. Он слиш-

ком хорошо помнил свою собственную встречу с Бергвидом. Это не просто неприятность – это беда! Не хотелось верить, что все так плохо. Его любовь к невесте, ожидание свадьбы, надежда на близкое счастье – все разбилось об это имя, как легкая лодочка о скалистый утес.

– Он погиб? – спросил Хельги.

При всей его внешней бесстрастности этот вопрос означал, что он не может больше ждать и хочет узнать скорее, пусть даже самое худшее.

– Никто не видел его тела. Но его меч, как говорят, у Бергвида. А это может быть, только если… Ну, ты понимаешь.

– Кто его там видел? – спросил Рингольд Поплавок. Он тоже сидел с вытянутым лицом: веселая предсвадебная поездка за невестой оборачивалась чем-то гораздо менее приятным.

– О! – Халькель смущенно усмехнулся. – Эта сага длиной почти с Мировую Змею и может обвить всю землю. Мне передавали, что меч видел Бьёрн, один из сыновей Вигмара Лисицы. Он рассказал Вигмару, а Вигмар послал сказать моему отцу, а отец передал мне.

– Сын Вигмара? Бьёрн? – Хельги порылся в памяти, но не сумел определить, которого из многочисленных Вигмаровых сыновей звали Бьёрном. – Он был у Бергвида и вернулся к отцу?

– Как это могло выйти? – заговорили ярлы.

– Подробностей я не знаю, – Халькель покачал головой, словно снимая с себя ответственность за то, что рассказывает. – То есть… – Видно было, что он колеблется. – Я должен тебе сказать, Хельги ярл, чтобы ты был готов… Есть такой слух… Только слух, не больше. Иные болтают… Мне рассказывали тут кое-какие люди, они недавно ездили на юг насчет шерсти… Ну, короче, говорят, будто Вигмар Лисица сам послал сына к Бергвиду, чтобы тот рассказал о твоих подарках и… Короче, что Вигмар руками Бергвида устроил это нападение на Рагневальда, чтобы расстроить ваше обручение. Но я этому не верю! – твердо закончил Халькель. – Я тебе это передаю, чтобы ты не услышал от кого-нибудь другого. А это все не похоже на правду. Я не знаю, каким ветром Вигмарова сына занесло к Бергвиду, но когда Вигмар обо всем этом узнал, он послал к моему отцу с предложением устроить совместный поход на Бергвида. Как раз за это нападение – ведь Бергвид нанес обиду вам обоим.

– Это не столько его дело, сколько наше! И ваше! – гневно воскликнул Фроар Левша, едва дотерпев, пока Халькель закончит. – Вигмару Лисице Рагневальд еще не родич! А тебе он родич, как и мне, и Рингольду, и конунгу! – Он кивнул на Хельги, имея в виду его и его отца Хеймира конунга. – И я не понимаю, почему какой-то Вигмар Лисица, какой-то квитт, должен звать вас отомстить за вашего же родича!

– Погоди! – движением руки Хельги ярл остановил его речь. – И что же Даг хёвдинг? – Он вопросительно посмотрел на Халькеля.

– Отец хотел сначала попытаться примирить их. Ты же знаешь, сколько мучений нам принесла война. Но, похоже, что уже поздно. До нас доходили слухи, что Бергвид уже напал на землю Вигмара, что между ними была битва. Больше я ничего не знаю, мы слишком далеко от тех мест. Но ты должен быть готов к большим трудностям.

Хельги кивнул. Действительность, если все это правда, далеко превзошла самые худшие его ожидания. Перед ним разом встало столько трудностей, что мысли о них мешали друг другу и в голове была путаница. Сейчас, когда он тут сидит, еще не отвыкнув от своих радужных ожиданий, его свадебные подарки в руках Бергвида, а может быть, и сама Альдона…

– Мы должны мстить за Рагневальда! – настаивал Фроар, и Рингольд, муж Рагневальдовой падчерицы, соглашался. – Мы не можем такого стерпеть! Мы должны найти его и убить! Это наш долг! Без этого нельзя вернуться домой! Хельги ярл, ты же согласен?

– Так выходит, подарки-то до невесты не дошли! – соображал Аудольв Медвежонок. – Вот тебе и виса с припевом! Не дошли, а значит, обручения-то как бы вроде и не было! Что же, теперь все сначала начинать?

– Может, оно и неплохо! – заметил Скельвир Медвежий Дух. – А если Вигмар Лисица и правда передумал?

– Но его война с Бергвидом!

– Это ничего не значит. Для этого случая. Они могли поссориться уже после своего сговора против нас. Не поделили добычу или еще что-нибудь. Кто разберет этих квиттов? Прости меня, Халькель хёльд.

– Но почему Даг Кремневый нам не дал знать? – восклицал Фроар Левша. – Ты, Халькель, почему не послал к нам? Тут же два дня дороги всего!

– Отец не хотел, – уклончиво отвечал Халькель. – Ты понимаешь, Фроар, ведь это будет война на нашей земле. А мы и так пострадали.

Хельги молчал. Каждый из говоривших был по-своему прав, и даже защищать Вигмара Лисицу от обвинений в предательстве он не решался. Это Халькель, по собственной врожденной порядочности, подобное коварство считает невозможным. А Хельги, при всей его мечтательной любви к Альдоне, на ее отца смотрел трезвым взглядом и понимал, что вовсе не держит душу этого человека на ладони. Скельвир прав: кто разберет этих квиттов? Они слишком давно воюют: сначала с фьяллями, теперь между собой. Понятия о дозволенном и недозволенном у них, что вполне естественно, смещены. И во многом правы все те, кто предостерегал его против брака с квиттинкой.

Задерживаться было неуместно, и на следующий же день Хельги отправился дальше.

– Пришли ко мне, если понадобится! – сказал на прощание Халькель. – Я могу тут собрать человек триста, а еще можно нанять людей тут, у раудов! – Он кивнул на север, где вблизи от его округи начинался бывший Квиттингский Север, теперь занятый раудами. – Я могу помочь тебе войском, если уж понадобится. С Бергвидом связываться не слишком хочется, но не годится бросить родича без помощи!

Еще семь дней слэтты плыли вдоль побережья на юг, на каждом ночлеге расспрашивая о Рагневальде, Бергвиде, Вигмаре. Но узнать удавалось мало: здешние жители знали только то, что слышали от гонцов Дага хёвдинга, то же самое, что уже рассказал Халькель. Многие видели, как «Серебряный ворон» проплывал вдоль побережья на юг, кое-кто даже принимал его на ночлег, но свидетелей его дальнейшей судьбы не находилось.

Только вечером седьмого дня появилось нечто более существенное. Дул противный ветер, хотя и не сильный, корабли шли на веслах и одолели меньшее расстояние, чем предполагалось. Уже темнело, когда показалось жилье: на горе среди ельника виднелись дымы и крыши усадьбы. Над самым морем, на обрыве, висела, вцепившись корнями в камень, старая ель и отчаянно дергала ветвями на ветру, словно пытаясь удержать равновесие.

– Висячая Ель! – крикнул Скельвир хёвдинг со своего «Медведя», указывая на ель и на крыши домов на горе. – Так называется! Я здесь когда-то был! Давай причаливать, Хельги ярл, потом долго жилья не будет! До ночи не успеем!

Скельвир первым повернул своей корабль к месту для причаливания: под горой каменистая осыпь полого спускалась к воде, и здесь же над самой водой росли деревья, а между ними на камнях лежало несколько рыбачьих лодок. Вытащить корабли на берег было нельзя, но глубина позволяла подвести их вплотную и привязать к столбам, нарочно для этого вбитым.

– Тролли их знают, эти столбы! – ворчал Кольберг кормчий, с сомнением пытаясь потрясти столб, вбитый в землю и для верности укрепленный срубом, засыпанным крупными камнями. – Для таких вон небось рыбачьих корыт… А большой корабль оторвет еще, останемся, как без ног…

Проверив надежность столбов, корабли привязали, Аудольв и Гейтир Коршун остались с дружинами разводить костры и готовить ужин, а Хельги с остальными ярлами и двумя десятками хирдманов пошел на гору к усадьбе.

Ворота были заперты. Подойдя, Скельвир хёвдинг постучал обухом секиры в створку.

– Кто тут ходит в такую поздноту? – без промедления раздался в ответ решительный женский голос. Как видно, их прибытие не осталось в усадьбе незамеченным. – Что вам нужно?

– Я – Хельги сын Хеймира, конунга слэттов! – ответил Хельги. – Мы не причиним зла никому из здесь живущих, а всего лишь хотели бы узнать новости.

– Хельги сын Хеймира? Из Эльвенэса? – уже с другим выражением ответил голос, удивленный, недоверчивый и, пожалуй, обрадованный. – Это правда?

– А разве ты думаешь, что у кого-то хватит наглости присвоить такое имя? – нетерпеливо крикнул Фроар. – Открой ворота, липа нарядов, и убедись сама! Ты не ошибешься, если у тебя есть глаза!

За воротами застучал железный засов, створки со скрипом поехали наружу, слэтты попятились. Стал виден двор, освещенный десятком факелов в руках у людей; на гостей смотрело десятка два встревоженно-любопытных лиц. Впереди всех стояла женщина лет тридцати, рослая, но не слишком красивая, с продолговатым лицом, большими глазами и длинноватым носом. В одной руке она держала факел, а в другом – блестящий охотничий нож с костяной рукоятью.

– Ох, какая отважная женщина! – восхитился Рингольд. – Ты, я вижу, сама готова постоять за свой дом! А где же твой муж?

Женщина не ответила. Быстро оглядев пришельцев, она заметила Хельги и задержала на нем взгляд.

– Приветствую тебя в твоем доме, Скади покрывала! – сказал он ей. – Твой дом зовется Висячая Ель, верно? А как твое имя?

– Я – Археда дочь Торколя, – с колебанием ответила хозяйка. Понятно, что колебание ее относилось не к собственному имени, а к людям, которым она его называла. – Да… Я узнаю тебя, Хельги ярл, – наконец решившись, добавила она.

– А где твой муж? – повторил любопытный Рингольд. – Почему ты сама защищаешь свой дом?

– И от кого? – дополнил Скельвир. – Что случилось с доблестным Бальдвигом Звероловом?

– Он в отъезде. – Археда посмотрела на Скельвира, но явно не вспомнила его. – А мы подумали… подумали… У нас сейчас такое время, что ворота не откроешь кому попало. Идите в дом! – Она показала горящим факелом на двери хозяйского дома, где толпились женщины, вытягивая шеи, чтобы ничего не пропустить. – Мне не прибавит чести, если я стану держать таких знатных гостей во дворе.

Усадьба Висячая Ель была не слишком обширна, но принять у себя слэттенландских ярлов с их ближайшими людьми фру Археда считала делом чести. Проведя их в дом, она велела челяди заколоть свинью, а пока мясо жарилось, налила гостям пива. Усадив их в гриднице, она села напротив Хельги и взялась за прялку. Охотничий нож она повесила на стену позади себя, и он поблескивал там длинным хищным жалом, когда на него падал отблеск от очага.

– Вот это оружие тебе больше подходит, Хильд пряжи! – посмеивался Рингольд, кивая на веретено и клок черной овечьей шерсти на рогульке прялки. – А то нож!

– Хотелось бы мне все-таки знать, с кем ты собиралась сразиться, – заметил Хельги. – Тебе грозит опасность?

– Ну, сразиться… – Археда улыбнулась и повела плечом. Когда она перестала тревожиться, лицо ее оживилось и уже не казалось таким некрасивым. – Я не валькирия, но как-то неловко выходить с пустыми руками. А с этим, – она взмахнула веретеном, – к Бергвиду Черной Шкуре не выйдешь!

– К Бергвиду! – воскликнули все ярлы разом. – Он где-то здесь?

– Хотела бы я знать, где он! – с досадой ответила Археда. – И лучше всего – где-нибудь подальше отсюда. В пасти Нидхёгга, чтоб дракон откусил ему голову и он больше никогда не вылезал на свет!

– Но он был здесь?

– Когда?

– Что ты о нем знаешь?

– Знаю кое-что… – Хозяйка, продолжая быстро сучить нитку, будто это помогало ей справиться с затруднением, покосилась на Хельги.

– Я уже кое-что слышал в усадьбе Белый Зуб, – ободрил он, видя, что женщина не решается говорить. – Я уже знаю, что мой родич Рагневальд Наковальня убит. Если ты что-то знаешь об этом, то я буду тебе очень благодарен, если… Рагневальд здесь проплывал? У него был корабль на двадцать шесть скамей, «Серебряный ворон».

– Я слышала о нем, но здесь он *не* проплывал! – многозначительно сказала Археда. – Не хотелось бы мне сделаться восточной кукушкой,[4] но… Да, он повстречал этого морского тролля… чтоб ему провалиться… Бергвида Черную Шкуру! Я сама не видела, и никто у нас не видел, потому что это было там, на север, в переходе от нас, возле усадьбы Медвежий Ручей. Там живет Хумле Галка, он всегда принимает Бергвида, когда тому надо остановиться в наших краях. Он с ним расплачивается своей добычей. Так вот, говорили, что Бергвид захватил корабль твоего родича. Один наш рыбак видел там корабль с серебряной головой ворона, он стоял возле усадьбы Хумле, и тамошние люди ему рассказали, что была битва. А потом приезжал один мелкий торговец, Бард Веселый, ты его не знаешь, так он видел этот же самый корабль возле Розовой Скалы. Это усадьба Сигрена Клюва, у него там на море глядит скала розоватого гранита, по этой примете ее легко найти. И корабль этот стоит в сарае у Сигрена. Он не ходит с Бергвидом в походы, но помогает ему, если что. У него корабль пропал в море прошлой зимой, сарай стоял пустым, вот Бергвид и велел перевести туда вашего «Ворона», пока не найдет дружины, чтобы на него посадить. Пока не наберет всякого шального сброда…

– А люди? Люди Рагневальда? – перебил Фроар.

– Что вам сказать? – Археда уклончиво повела плечом. – Я бы рада была сказать, что хоть кто-то из них спасся, да только об этом ничего не слышно. Бергвид никогда не оставляет живых. Только иногда женщин, если молодые и их можно продать. А всех мужчин он убивает и бросает в море. Это его жертвы Ньёрду и морским великаншам. Такой у них уговор, иначе разве стали бы они всегда ему помогать? А еще иногда он оставляет убитых на берегу для своей ведьмы и ее волка. Волк пожирает их, и это тоже его плата за помощь. Разве бы он был таким сильным, мог бы разбойничать на морях десять лет подряд, если бы ему не помогало столько нечисти!

– И мой родич Рагневальд погиб? – повторил Рингольд. У него были на уме Альвборг и Сванхильд, которые еще ничего не знали.

– Выходит, что так. Хотела бы я, чтобы он остался жив, но только об этом не слышно. О таком знатном человеке уж что-нибудь да было бы слышно.

– Я должен увидеть это место, – сказал Хельги. – И корабль.

– Завтра утром мои люди проводят вас. Здесь лучше пройти берегом, так будет ближе. Его усадьба не прямо на море, а в глубине фьорда. Может, Сигрен и не захочет вас пускать, но здесь не мне тебя учить. А сарай его стоит на берегу за скалой, так что его с воды не видно, там впадает ручей и можно сталкивать корабли… Ну, мои люди вам покажут. А если ты захочешь поискать в усадьбе, то найдешь, наверное, и кое-что из тех подарков, что вез твой родич. При нем ведь, должно быть, было много разных сокровищ?

[4] То есть приносить дурные новости. Услышать кукушку с восточной стороны – к беде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.